

ДЭН БРАУН

ИНФЕРНО

ЧИТАЙТЕ КНИГУ! СМОТРИТЕ ФИЛЬМ!
В КИНОТЕАТРАХ С 13 ОКТЯБРЯ

16+

Annotation

...Оказавшись в самом загадочном городе Италии – Флоренции, профессор Лэнгдон, специалист по кодам, символам и истории искусства, неожиданно попадает в водоворот событий, которые способны привести к гибели все человечество... И помешать этому может только разгадка тайны, некогда зашифрованной Данте в строках бессмертной эпической ПОЭМЫ...

Дэн Браун Инферно

Моим родителям...

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Самое жаркое место в аду предназначено тем, кто в пору морального кризиса сохраняет нейтральность.

Факты:

Все произведения искусства и литературы, а также научные данные и исторические события, упоминаемые в этой книге, реальны.

Консорциум – частная организация с отделениями в семи странах. Ее название изменено из соображений безопасности и конфиденциальности.

Инферно – преисподняя, изображенная в эпической поэме Данте Алигьери «Божественная комедия» в виде сложно организованного подземного царства, населенного так называемыми тенями, то есть бестелесными душами, навеки застрявшими между жизнью и смертью.

Я Тень.

Я бегу по отверженному селенью.

Я спасаюсь бегством сквозь вековечный стон.

По берегам реки Арно я бегу, задыхаясь... сворачиваю влево, на улицу Каstellани, и устремляюсь на север в тени портиков Уффици.

Но они по-прежнему за мной гонятся.

Они идут по моему следу с неумолимой решимостью, и их шаги раздаются все громче.

Вот уже который год длится это преследование. Их настойчивость заставила меня скрыться в подполье... жить в чистилище... прозябать под землей, словно хтоническое чудище.

Я Тень.

Здесь, на поверхности, я обращаю взгляд к северу, но не могу отыскать прямой путь к спасению... ибо Апеннинские горы закрывают первый проблеск зари.

Я миную дворец, его зубчатую башню и часы с одной стрелкой... проскальзываю среди ранних уличных торговцев на площади Сан-Фиренце с их грубыми голосами и дыханием, отдающим лампредотто^[1] и жареными оливками. Пересекаю площадь перед Барджелло, сворачиваю западнее, к шпилю Бадии, и с маху упираюсь в железную решетку у основания лестницы.

Здесь надо, чтоб душа была тверда^[2].

Я отворяю решетчатую дверь и ступаю в узкий проход, зная, что возврата оттуда уже не будет. С трудом заставляю свои ноги, будто налитые свинцом, передвигаться по старым, выщербленным мраморным ступеням, по спирали ведущим к небу.

Внизу слышится эхо голосов. Они взывают ко мне.

Мои преследователи не отстают – они уже совсем близко.

Они не понимают, что их ждет...и что я для них сделал!

Неблагодарная земля!^[3]

Я поднимаюсь, и меня вновь обступают навязчивые видения... тела сладострастников, корчащиеся под огненным ливнем, души чревоугодников, тонущие в нечистотах, мерзкие предатели, застывшие в ледяных тисках Сатаны.

Я преодолеваю последние ступени и еле живым выбираюсь наверх, во влажную утреннюю прохладу. Кидаюсь к высокому, в человеческий рост, парапету и смотрю в щель между зубцами. Далеко внизу простерт благословенный город, который служил мне убежищем от тех, кто меня изгнал.

Их голоса зовут, приближаясь. «То, что ты сделал, – безумие!»

Безумие порождает безумие.

«Ради любви к Господу! – кричат они. – Скажи нам, где ты его спрятал!»

Именно ради любви к Господу я им и не скажу.

И вот я стою, загнанный в угол, прижавшись спиной к холодному камню. Они смотрят в глубину моих ясных зеленых глаз, и их лица мрачнеют – уговоры сменяются угрозами. «Ты знаешь, что у нас есть способы. Мы вынудим тебя открыть, где оно».

Как раз поэтому я сейчас здесь, на полпути к небу.

Без предупреждения я оборачиваюсь и скидываю руки, хватаюсь за высокий край

парашюта, подтягиваюсь и лезу туда – встаю на колени, потом на ноги... балансируя над пропастью. *Яви мне путь сквозь бездну, мой Вергилий!*

Они растерянно бросаются вперед, хотят схватить меня за ноги, но боятся, что я потеряю равновесие и упаду. Теперь они снова умоляют меня в тихом отчаянии, но я уже отвернулся от них. *Я знаю, что я должен сделать.*

Подо мной, в головокругительной дали, тянутся красные черепичные крыши – они похожи на огненное море, освещающее эту чудесную страну, по которой некогда бродили гиганты... Джотто, Донателло, Брунеллески, Микеланджело, Боттичелли.

Я подвигаюсь чуть ближе к краю.

«Слезай! – кричат они. – Еще не поздно!»

Ах вы, упрямые невежды! Неужто вы не видите будущего? Неужто не понимаете, как прекрасно мое творение? И как оно необходимо?

Я с радостью принесу эту последнюю жертву... а заодно и уничтожу последнюю вашу надежду найти искомое.

Вы ни за что не отыщете его вовремя.

Мощенная булыжником площадь в сотнях футов подо мной выглядит заманчивой, словно тихая гавань. Если бы мне еще хоть капельку времени... но время – единственное, чего не купить даже за все мои несметные богатства.

В эти последние секунды я озираю площадь внизу и вдруг ошеломленно замираю.

Я вижу там твое лицо.

Ты смотришь на меня из теней. Твой взгляд печален, и все же в нем сквозит благоговение перед тем, чего я достиг. Ты понимаешь, что у меня нет выбора. Ради любви к человечеству я должен защитить свой шедевр.

Даже сейчас он растет... выжидая... тихо побулькивая в кроваво-красных водах, куда не смотрятся светила.

И тогда я отрываю от тебя глаза и устремляю их к горизонту. Стоя высоко над этим измученным миром, я возношу свою заключительную молитву.

Господи, пусть мир вспоминает меня не как чудовищного грешника, а как достославного спасителя – ведь Ты знаешь, что такова моя истинная роль. Прошу Тебя, пусть человечество поймет смысл дара, который я ему оставляю.

Мой дар – будущее.

Мой дар – спасение.

Мой дар – Инферно.

Засим я шепчу «аминь»... и совершаю свой последний шаг – в бездну.

Воспоминания всплыли медленно... как пузырьки из тьмы бездонного колодца.

Таинственная незнакомка.

Роберт Лэнгдон смотрел на нее через реку, бурные воды которой были красны от крови. Женщина стояла на другом берегу, повернувшись к нему, – неподвижная, величественная. Ее лицо было скрыто вуалью. В руке она держала голубую повязку – *таинию*, а затем подняла ее, отдавая дань уважения морю мертвецов у своих ног. В воздухе был разлит запах смерти.

Ищите, прошептала женщина. И найдете.

Ее слова будто раздались прямо у Лэнгдона в голове. «Кто вы?» – крикнул он, но не услышал собственного голоса.

Время уже на исходе, прошептала она. Ищите, и найдете.

Лэнгдон шагнул к реке, но понял, что не сможет перейти ее вброд: эти кроваво-красные воды были слишком глубоки. Когда он снова поднял глаза на незнакомку, тел у ее ног стало гораздо больше. Теперь их были сотни, а может, и тысячи – некоторые, еще живые, корчились, умирая в невыносимых муках... извиваясь в языках пламени, задыхаясь в экскрементах, пожирая друг друга. Над рекой разносились их страдальческие вопли, умноженные эхом.

Незнакомка двинулась к нему, протянув вперед грациозные руки, точно молила о помощи.

«Кто вы?» – снова выкрикнул Лэнгдон.

В ответ женщина подняла руку и медленно отодвинула вуаль. Ослепительно красивая, она была старше, чем ожидал Лэнгдон, – наверное, лет шестидесяти или чуть больше, статная и крепкая, как неподвластная времени статуя. У нее были волевой подбородок и глубокий проникновенный взгляд, длинные серебристые локоны рассыпались по плечам, а на шее висел амулет из ляпис-лазури – змея, обвившая посох.

Лэнгдон почувствовал, что знает ее... и доверяет ей. *Но откуда? Почему?*

Она указывала на чьи-то ноги, торчащие перед ней из-под земли, – очевидно, они принадлежали какому-то несчастному, закопанному по пояс вниз головой.

На его бледном бедре была выведена грязью одна-единственная буква – «R».

Что это значит? – подумал Лэнгдон. *Может быть... Роберт? Неужели это я?*

По лицу женщины ничего нельзя было прочесть. *Ищите, и найдете*, повторила она.

Внезапно вокруг нее вспыхнуло белое сияние... оно становилось все ярче и ярче. Все ее тело задрожало крупной дрожью, затем раздался оглушительный взрыв – и оттуда, где она только что стояла, разлетелись во все стороны тысячи световых осколков.

Лэнгдон очнулся с криком.

В комнате горел свет. Вокруг никого не было. В воздухе резко пахло спиртом, и где-то рядом размеренно, в такт его сердцу, попискивал медицинский прибор. Лэнгдон попытался двинуть правой рукой, но его остановила острая боль. Он посмотрел вниз и увидел, что к его локтю прикреплен резиновый шланг капельницы.

Сердце его забило быстрее, и прибор, тут же пустившись вдогонку, запищал чаще.

Где я? Что произошло?

Затылок Лэнгдона глодала тупая, ноющая боль. Он осторожно поднял свободную руку и попробовал на ощупь определить ее источник. Скользнув под спутанные волосы, его пальцы

наткнулись на твердые бугорки швов, покрытые запекшейся кровью. Их было не меньше десятка.

Лэнгдон закрыл глаза, стараясь вспомнить, в какой переплет он угодил.

Ничего. Полная пустота.

Думай.

Ни одного проблеска.

В дверь торопливо вошел человек в докторском халате, явно встревоженный участившимися сигналами кардиомонитора. У него были клочкастая борода, густые усы и добрые глаза, излучающие заботливое тепло из-под мохнатых бровей.

– Что... случилось? – кое-как выговорил Лэнгдон. – Я попал в аварию?

Бородач поднес палец к губам, а затем выскочил обратно в коридор и крикнул, подзывая кого-то.

Лэнгдон повернул голову, но в ответ на это движение ее пронзила резкая боль. Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, дожидаясь, пока боль утихнет. Потом очень медленно и осторожно оглядел свою палату, обставленную с аскетической простотой.

В палате находилась только одна кровать – его. На тумбочке – ни цветов, ни визитных карточек. Неподалеку Лэнгдон увидел свою одежду в прозрачном пластиковом пакете. Она была заляпана кровью.

Боже мой! Должно быть, дело серьезное.

Все так же осторожно Лэнгдон покосился на окно рядом с кроватью. За ним стояла тьма. Ночь. На стекле маячило только его собственное отражение – усталый, мертвенно-бледный незнакомец, опутанный трубками и проводами, в окружении медицинских приборов.

В коридоре зазвучали голоса, и Лэнгдон снова перевел взгляд на дверь. Бородач вернулся, на сей раз в сопровождении женщины. На вид ей было чуть за тридцать – в голубой врачебной форме, светлые волосы забраны сзади в увесистый хвостик.

– Я доктор Сиена Брукс, – сказала она, улыбнувшись Лэнгдону с порога. – Сегодня я работаю с доктором Маркони.

Лэнгдон слабо кивнул.

Гибкая и высокая, доктор Брукс передвигалась уверенным шагом спортсменки. Даже свободная казенная одежда не могла скрыть грациозности ее фигуры. Насколько Лэнгдон мог судить, она абсолютно не пользовалась косметикой, однако лицо ее выглядело на удивление свежим и гладким – его безупречность нарушала разве что крошечная родинка над верхней губой. Ее карие глаза смотрели на редкость пронизательно, точно им довелось наблюдать много такого, с чем редко успевают столкнуться на жизненном пути люди ее возраста.

– Доктор Маркони не слишком хорошо говорит по-английски, – пояснила она, усаживаясь рядом, – поэтому он попросил меня заполнить вашу больничную карту. – За этим последовала очередная улыбка.

– Спасибо, – прохрипел Лэнгдон.

– Итак, – деловым тоном продолжала она, – ваше имя?

Ему пришлось собраться с мыслями.

– Роберт... Лэнгдон.

Она посветила ему в глаза маленьким фонариком.

– Кем работаете?

Ответить на этот вопрос оказалось еще труднее.

– Я профессор. Преподаю историю искусств и символогию... в Гарвардском университете.

Измученная, доктор Брукс опустила фонарик. Ее бородатый коллега, похоже, удивился не меньше.

– Вы... американец?

Лэнгдон смущенно пожал плечами.

– Но это же... – Она помедлила. – Вчера вы поступили к нам без документов. На вас был пиджак из харрисовского твида и туфли «Сомерсет», и мы решили, что вы англичанин.

– Я американец, – уверил ее Лэнгдон, не чувствуя в себе сил объяснять, почему он отдает предпочтение одежде хорошего качества.

– У вас что-нибудь болит?

– Голова, – признался Лэнгдон. Свет фонарика усугубил пульсирующую боль у него в затылке – слава Богу, доктор Брукс наконец убрала этот инструмент в карман и взяла Лэнгдона за руку, чтобы измерить ему пульс.

– Вы проснулись с криком, – сказала она. – Помните, что вас напугало?

В мозгу Лэнгдона снова мелькнула та странная картина – незнакомка с лицом, скрытым вуалью, и груды извивающихся тел вокруг. *Ищите, и найдете.*

– У меня был кошмар.

– А подробнее?

Лэнгдон рассказал ей.

Доктор Брукс записала что-то в блокнот. Лицо ее оставалось бесстрастным.

– Что, по-вашему, могло породить столь устрашающее видение?

Лэнгдон порылся в памяти, но вскоре покачал головой, которая тут же мучительно заныла в знак протеста.

– Ну хорошо, мистер Лэнгдон, – сказала она, продолжая писать. – Еще парочка стандартных вопросов, и хватит. Какой сегодня день недели?

Лэнгдон на мгновение задумался.

– Суббота. Я помню, как днем шел по кампусу... мне надо было читать вечерние лекции... а потом... кажется, это последнее, что я помню. Я что, упал?

– Мы до этого дойдем. Знаете, где вы сейчас?

Лэнгдон попытался угадать.

– В Массачусетской центральной?

Доктор Брукс сделала еще одну пометку в блокноте.

– Можем ли мы кого-нибудь к вам вызвать? Жену? Детей?

– Никого, – машинально ответил Лэнгдон. Он всегда ценил одиночество и независимость, которые дарила ему сознательно избранная холостяцкая жизнь, хотя должен был признать, что в нынешней ситуации с удовольствием увидел бы перед собой знакомое лицо. – Можно было бы сообщить кое-кому из коллег, но в этом нет большой необходимости.

Доктор Брукс убрала блокнот, и к кровати подошел врач постарше. Поглаживая лохматые брови, он вынул из кармана маленький диктофончик и показал его доктору Брукс. Та понимающе кивнула и вновь обернулась к пациенту.

– Мистер Лэнгдон, когда вас к нам привезли, вы повторяли что-то снова и снова. – Она взглянула на доктора Маркони, тот поднял руку с диктофоном и нажал кнопку.

Включилась запись, и Лэнгдон услышал свой собственный невнятный голос.

Заплетающимся языком он повторял одно и то же слово – что-то похожее на «зарев... зарев... зарев...»

– По-моему, вы говорите о каком-то зареве, – сказала доктор Брукс.

Лэнгдон согласился, но больше ничего добавить не мог. Под пристальным взглядом молодого врача ему стало не по себе.

– Может быть, все-таки вспомните, о чем речь? Где-то был пожар?

Роясь в самых дальних уголках памяти, Лэнгдон опять увидел ту загадочную незнакомку. Она стояла на берегу кровавой реки, окруженная мертвецами. На него снова дохнуло трупным смрадом.

И вдруг Лэнгдона захлестнуло внезапное инстинктивное чувство опасности... грозящей не только ему... но и всем людям. Попискивание кардиомонитора резко участилось. Мышцы Лэнгдона напряглись сами собой, и он попытался сесть.

Доктор Брукс быстро положила ладонь ему на грудь и заставила его лечь обратно. Потом глянула на бородатого врача, тот подошел к ближайшему столику и стал с чем-то возиться. Тем временем доктор Брукс нагнулась к Лэнгдону и тихо заговорила:

– Мистер Лэнгдон, беспокойство – обычный симптом при мозговых травмах, но вам нельзя волноваться. Не двигайтесь. Надо сбить пульс. Просто лежите тихо и отдыхайте. Все будет хорошо. Ваша память постепенно восстановится.

Бородатый вернулся и протянул ей шприц. Она ввела его содержимое в капельницу, прикрепленную к локтю Лэнгдона.

– Легкое успокоительное, чтобы снять тревогу, – пояснила она. – А заодно и голова пройдет. – Она встала, собираясь уходить. – Вы скоро поправитесь, мистер Лэнгдон. А сейчас вам надо поспать. Если что-нибудь понадобится, нажмите кнопку рядом с кроватью.

Она потушила свет и удалилась вместе с бородачом.

Лежа в темноте, Лэнгдон почти сразу почувствовал, как новое лекарство начинает действовать, затягивая его обратно в тот глубокий колодец, откуда он совсем недавно вынырнул. Он боролся с этим ощущением, изо всех сил стараясь держать глаза открытыми. Попробовал сесть, но его тело было словно налито цементом.

Чуть повернувшись, Лэнгдон снова оказался лицом к окну. Поскольку теперь в комнате царил мрак, его собственное отражение в стекле исчезло, сменившись освещенными контурами городских зданий. Среди куполов и шпилей доминировало одно величественное строение. Это была могучая крепость с зубчатым парапетом, над которой вздымалась стометровая башня в массивном каменном воротнике.

Лэнгдон так и подскочил на постели, и у него в голове тут же снова вспыхнула обжигающая боль. Несмотря на мучительный стук в висках, он не сводил глаз с башни за окном.

Лэнгдон прекрасно знал это средневековое сооружение.

Его невозможно было спутать ни с чем другим.

Беда была в том, что оно находилось в шести с половиной тысячах километров от Массачусетса.

За стенами больницы, на окутанной сумерками улице Торрегалли, женщина крепкого сложения легко спрыгнула с мотоцикла «БМВ» и двинулась вперед напряженной походкой пантеры, выслеживающей добычу. Взгляд ее был зорек, над поднятым воротником черной

кожаной куртки торчали шипы из коротко подстриженных волос. Она проверила свой пистолет с глушителем и подняла глаза на окно, за которым только что погасили свет вышедшие от Лэнгдона врачи.

Пару часов назад ее миссия сорвалась из-за очень досадной помехи.

Один несчастный голубь проворковал некстати – и все пошло прахом.

Но сейчас она приехала, чтобы закончить дело.

Я во Флоренции?!

В голове у Роберта Лэнгдона стучало. Он сидел на больничной кровати, снова и снова нажимая кнопку звонка. Несмотря на введенный транквилизатор, сердце его несло галопом.

Скоро в комнату ворвалась доктор Брукс с подскакивающим на бегу хвостиком.

– Что случилось?

Лэнгдон в изумлении помотал головой.

– Я... в Италии?!

– Отлично! – воскликнула она. – Значит, вспомнили!

– Нет! – Лэнгдон указал на внушительный силуэт в отдалении. – Я узнал палаццо Веккьо.

Доктор Брукс щелкнула выключателем, и городской пейзаж за окном исчез. Затем она подошла к кровати и заговорила тихим, успокаивающим голосом:

– Не волнуйтесь, мистер Лэнгдон, для этого нет никаких причин. У вас легкая амнезия, но доктор Маркони уже убедился в том, что ваш мозг функционирует абсолютно нормально.

Бородатый врач тоже прибежал на звонок. Он проверил показания монитора, а тем временем его младшая коллега быстро объясняла ему что-то по-итальянски – Лэнгдон разобрал слово *agitato*, явно относящееся к нему самому.

Взволнован? – сердито подумал Лэнгдон. *Скорее, ошеломлен!* Теперь хлынувший в его кровь адреналин боролся с лекарством.

– Что со мной произошло? – настойчиво спросил он. – Какой сегодня день?

– Все в порядке, – ответила доктор Брукс. – Сейчас раннее утро понедельника, восемнадцатое марта.

Понедельник. Лэнгдон с трудом заставил себя вернуться мыслями к последним образам, хранящимся в глубине его сознания – темной, холодной, – и снова увидел, как он идет в субботу по гарвардскому кампусу читать вечерние лекции. *Это было два дня назад?* Он попытался вспомнить хоть что-нибудь относящееся к самим лекциям или тому, что было после, но паника только усилилась. *Ничего.* Кардиомонитор опять запищал быстрее.

Старший врач почесал бороду и отправился настраивать оборудование, а доктор Брукс снова присела рядом с Лэнгдоном.

– С вами все будет хорошо, – мягко уверила его она. – Мы определили у вас ретроградную амнезию – она очень часто наблюдается при травмах головы. Воспоминания о нескольких последних днях могут быть туманными или вовсе отсутствовать, но необратимых повреждений нет. – Она сделала паузу. – Помните, как меня зовут? Я говорила вам, когда вошла.

Лэнгдон на секунду задумался.

– Сиена.

Доктор Сиена Брукс.

Она улыбнулась:

– Видите? Новые воспоминания уже формируются.

Голова у Лэнгдона болела почти невыносимо, и все предметы поблизости немного расплывались.

– Что случилось? Как я сюда попал?

– Думаю, вам надо отдохнуть, а потом...

– Как я сюда попал?! – крикнул он, и писк монитора снова участился.

– Ладно, ладно, дышите глубже, – сказала доктор Брукс, обменявшись нервным взглядом со своим коллегой. – Сейчас расскажу. – Ее тон стал гораздо серьезнее. – Мистер Лэнгдон, три часа назад вы появились в нашем приемном покое с кровоточащей раной на голове и тут же рухнули без сил. Никто не представлял себе, кто вы такой и откуда взялись. Вы что-то бормотали по-английски, поэтому доктор Маркони попросил меня помочь. Я из Англии, а здесь работаю временно.

Лэнгдон почувствовал себя так, будто очнулся внутри картины Макса Эрнста. *Какого черта меня понесло в Италию?* Лэнгдон приезжал сюда раз в два года на искусствоведческую конференцию, но она проходила в июне, а сейчас был март.

Снотворное в его крови понемногу делало свою работу. Ему казалось, что сила земного притяжения растет с каждой секундой и пытается продавить его прямо сквозь матрас. Лэнгдон сопротивлялся ей, приподнимая голову, стараясь не заснуть.

Доктор Брукс наклонилась вперед – теперь она парила над ним, как ангел.

– Пожалуйста, мистер Лэнгдон, – прошептала она. – При травмах головы надо проявлять особенную осторожность в первые двадцать четыре часа. Вы должны отдохнуть, иначе можете причинить себе серьезный вред.

Вдруг раздалось потрескивание, и чей-то голос по внутренней связи произнес:

– Доктор Маркони!

Бородатый врач ткнул в кнопку на стене и отозвался:

– Si?

Из переговорного устройства полилась быстрая итальянская речь. Лэнгдон не уловил ее смысла, но заметил, как врачи недоуменно переглянулись. *А может, встревоженно?*

– Momento, – сказал Маркони, обрывая разговор.

– Что происходит? – спросил Лэнгдон.

Глаза доктора Брукс чуть-чуть сузились.

– Это дежурный администратор. Говорит, к вам пришли.

В тумане, окутавшем сознание Лэнгдона, вспыхнул лучик надежды.

– Очень кстати! Может, этот человек знает, что со мной стряслось!

На лице доктора Брукс проскользнуло сомнение.

– Странно, что кто-то из ваших знакомых уже здесь. Мы только что узнали ваше имя и даже не успели вас зарегистрировать.

Борясь с действием транквилизатора, Лэнгдон неуклюже приподнялся и сел.

– Если кому-то известно, что я здесь, он может знать, что случилось!

Доктор Брукс глянула на доктора Маркони. Тот немедленно покачал головой и постучал по своим часам. Тогда она снова обернулась к Лэнгдону.

– Мы в реанимационном отделении, – пояснила она. – Доступ сюда запрещен как минимум до девяти утра. Сейчас доктор Маркони выйдет и узнает, кто ваш посетитель и что ему нужно.

– А как насчет того, что нужно мне? – возмутился Лэнгдон.

Доктор Брукс терпеливо улыбнулась и понизила голос, придвинувшись ближе.

– Мистер Лэнгдон, вам еще не все известно о прошлом вечере... о том, что с вами случилось. И прежде чем говорить с кем бы то ни было, вам следует узнать все

обстоятельства – на мой взгляд, это будет справедливо. К сожалению, вы еще не настолько оправились, чтобы...

– Какие еще обстоятельства?! – Лэнгдон постарался сесть прямее. Ему мешала трубка капельницы, а тело как будто весило килограммов двести. – Я знаю только, что я во Флоренции, в больнице, и пришел сюда, бормоча про какое-то зарево...

Внезапно его поразила страшная мысль.

– А может, я устроил пожар? – спросил он. – Скажите, из-за меня никто не погиб?

– Нет-нет, – ответила доктор Брукс. – На этот счет можете не волноваться.

– Тогда *что?* – настаивал Лэнгдон, переводя взгляд с одного врача на другого. – Я имею право знать, что происходит!

Наступило долгое молчание, и наконец доктор Маркони нехотя кивнул своей обаятельной молодой коллеге. Та вздохнула и придвинулась ближе к кровати Лэнгдона.

– Ну хорошо, я расскажу вам все, что знаю... а вы будете слушать спокойно, договорились?

Лэнгдон подтвердил свое согласие кивком. При этом его голову снова пронзила острая боль, но он так жаждал объяснений, что даже не обратил на нее внимания.

– Начнем с того, что... ваша рана не была результатом аварии.

– Рад это слышать.

– Погодите радоваться. Дело в том, что в вас стреляли.

Регистратор пульса Лэнгдона запищал скорее.

– Прошу прощения?

Доктор Брукс заговорила ровно, но быстро:

– Пуля оцарапала вам затылок и, по всей вероятности, вызвала сотрясение мозга. Вам очень повезло, что вы остались живы. Еще бы на дюйм глубже, и... – Она покачала головой.

Лэнгдон изумленно уставился на нее. *Кто-то в меня стрелял?*

Снаружи послышались сердитые голоса – там явно разгорелся спор. Похоже, пришедший к Лэнгдону гость не хотел ждать. Почти сразу Лэнгдон услышал, как с треском распахнулась тяжелая дверь, ведущая из вестибюля. Потом в коридоре показался чей-то силуэт.

Это была женщина, с ног до головы облаченная в черную кожу, крепкая и подтянутая, с волосами, склеенными в шипы. Она шла легко, словно не касаясь ногами пола, и направлялась прямо к палате Лэнгдона.

Доктор Маркони мгновенно встал на пороге открытой двери, преграждая путь дерзкой посетительнице.

– Ferma!^[4] – воскликнул он, вытянув вперед раскрытую ладонь, как полицейский.

Не замедляя шага, незнакомка вынула из-под куртки пистолет с глушителем. Она прицелилась прямо в грудь доктору и выстрелила.

Раздался негромкий хлопок.

На глазах у охваченного ужасом Лэнгдона доктор Маркони попятился назад и упал на пол, схватившись за грудь. На его белом халате расплылось кровавое пятно.

В пяти милях от побережья Италии яхта-люкс «Мендаций» – семьдесят два метра по палубе – легко рассекала предрассветную дымку над плавно бегущими волнами Адриатики. Обтекаемый корпус яхты был выкрашен в синевато-серый цвет, благодаря чему она выглядела сурово, как военное судно.

При цене в 300 миллионов долларов эта бывшая игрушка для богачей была снабжена всеми обычными атрибутами комфорта – спа, бассейном, кинозалом, небольшой субмариной и вертолетной площадкой. Однако нынешнего владельца яхты, купившего ее пять лет назад, мало интересовала вся эта роскошь, и он сразу же очистил от нее большую часть корабельных отсеков, взамен разместив в них начиненный передовой электроникой и защищенный освинцованными переборками центр управления.

Оснащенная тремя собственными каналами спутниковой связи и сетью наземных ретрансляционных станций, центральная диспетчерская «Мендация» имела штат численностью примерно в две дюжины сотрудников – техников, аналитиков, координаторов, – которые жили на борту и поддерживали непрерывный контакт со всеми оперативными центрами организации, находящимися на суше.

Служба безопасности корабля состояла из небольшой группы специалистов, прошедших военную подготовку, и располагала двумя системами обнаружения ракет и целым арсеналом самого современного оружия. Вместе с поварами, уборщиками и прочей обслугой на борту насчитывалось чуть больше сорока человек.

Фактически «Мендаций» представлял собой передвижное офисное здание, из которого владелец яхты управлял своей империей.

Известный своим подчиненным просто как «шеф», это был маленький сухощавый человечек с густым загаром и глубоко посаженными глазами. Его неброская внешность и решительная повадка как нельзя лучше соответствовали образу бизнесмена, нажившего огромные капиталы путем тайного оказания особых услуг самым разным людям, среди которых попадались и весьма сомнительные личности.

Его называли по-разному – бездушным наемником, сеятелем греха, пособником Дьявола, – но он не был ни тем, ни другим, ни третьим. Шеф всего лишь давал своим клиентам возможность удовлетворить свои амбиции и достичь желаемого без неприятных последствий; то, что человечество греховно от природы, было не его заботой.

Несмотря на упреки его хулителей и противников, моральное кредо шефа всегда оставалось твердым как скала. Он воздвиг свою репутацию – и весь свой Консорциум – на двух золотых правилах.

Никогда не давай обещания, которого не можешь сдержать.

И никогда не лги клиенту.

Вот и все.

За всю свою профессиональную карьеру шеф ни разу не нарушил обещания и не пошел на попятный. Его слово было надежным – абсолютной гарантией, – и хотя порой ему приходилось сожалеть о заключении некоторых контрактов, вопрос о том, чтобы их разорвать, даже не поднимался.

Этим утром, выйдя на уединенный балкончик своей каюты, шеф окинул взглядом подернутое барашками море и попытался прогнать точившее его дурное предчувствие.

Решения, принятые в прошлом, творят наше настоящее.

Те решения, которые шеф принимал в прошлом, не раз заводили его на самые опасные минные поля, но он всегда выбирался оттуда невредимым. Однако сегодня, глядя на далекие огоньки итальянского берега, он ощущал непривычное беспокойство.

Год назад, на этой самой яхте, он принял решение, последствия которого теперь грозили погубить все, что он создал. *Я согласился оказать услугу не тому человеку.* Тогда он никак не мог этого предугадать, но теперь его давний просчет повлек за собой целый шквал непредвиденных угроз, вынудив шефа отправить на задание часть своих лучших агентов и разрешить им пускать в ход любые средства, чтобы удержать его могучую флотилию на плаву.

Сейчас шеф с особенной тревогой дожидался известий от одного из этих агентов.

Вайента, подумал он, представив себе эту крепкую оперативницу с «ежиком» из шипов. Вайента, которая до этого служила ему безупречно, прошлым вечером совершила крайне серьезную ошибку. Из-за этого последние шесть часов превратились в настоящий хаос, в отчаянную борьбу за то, чтобы восстановить контроль над ситуацией.

Вайента заявила, что ей просто не повезло – что в ее ошибке виноват голубь, который заворковал некстати.

Однако шеф не верил в везение. Все его действия строились на том, чтобы избежать случайностей и устранить риск. Шеф как никто умел контролировать происходящее – предвидеть все варианты, рассчитать любую реакцию и направить события в русло, ведущее к желаемому исходу. За его плечами был блестящий список тайных успехов и побед; именно это обеспечивало ему потрясающую клиентуру, куда входили миллиардеры, известные политики, шейхи и даже целые правительства.

Звезды, висевшие у восточного горизонта, начали растворяться в первых проблесках рассвета. Шеф стоял на палубе и терпеливо ждал от Вайенты сообщения о том, что ее миссия завершилась в точном соответствии с планом.

На мгновение Лэнгдону почудилось, что время застыло на месте.

Доктор Маркони лежал на полу без движения, из его груди лилась кровь. Борясь с действием транквилизатора, Лэнгдон поднял глаза на затянутую в черное убийцу, которая еще шагала по коридору, – теперь ее отделяли от раскрытой двери всего несколько метров. Приближаясь к порогу, она посмотрела на Лэнгдона и быстро вскинула пистолет... целясь ему в голову.

Я сейчас умру, подумал Лэнгдон. Прямо здесь, через считанные секунды.

Грохот, раздавшийся в маленькой комнате, был оглушителен.

Лэнгдон сжался в комок, уверенный, что в него выстрелили, но источником шума было вовсе не оружие неизвестной налетчицы. Оказывается, это грохнула тяжелая металлическая дверь палаты: доктор Брукс бросилась на нее всем телом, захлопнула ее и тут же заперла на замок. Потом повернулась с расширенными от страха глазами, опустилась на корточки рядом с залитым кровью коллегой и стала нащупывать его пульс. Доктор Маркони кашлянул, и изо рта у него выплеснулась кровь, которая стекла по щеке на его густую бороду. Затем он обмяк.

– Enrico, no! Ti prego!^[5] – воскликнула она.

Железная дверь зазвенела под градом осыпавших ее снаружи пуль. В коридоре послышались испуганные вопли.

Каким-то образом тело Лэнгдона пришло в движение – паника и инстинкт самосохранения взяли верх над снотворным.

Когда он неуклюже выкарабкался из кровати, его правую руку на сгибе локтя обожгла резкая боль. На мгновение Лэнгдону показалось, что в него угодила пуля, насквозь пробившая дверь, но, опустив глаза, он увидел, что это лопнула трубка, идущая от капельницы. Ее обрывок торчал у него из руки, и оттуда уже струилась теплая кровь.

Теперь туман в его голове полностью рассеялся.

Присев рядом с телом Маркони, доктор Брукс продолжала искать у него пульс, и на ее глазах набухали слезы. Потом, как будто внутри у нее щелкнул выключатель, она вскочила и повернулась к Лэнгдону. Выражение ее лица изменилось буквально в одно мгновение, и он увидел на нем спокойную сосредоточенность опытного врача «скорой помощи», который, несмотря на свою молодость, привык справляться с чрезвычайными ситуациями.

– За мной! – скомандовала она.

Схватив Лэнгдона за руку, доктор Брукс потащила его в другой конец комнаты. Под звуки выстрелов и продолжающейся суматохи в коридоре Лэнгдон ковылял за ней на нетвердых ногах. Сознание у него было ясным, но начиненное лекарствами тело слушалось плохо. *Ну же, шевелись!* Плиточный пол охлаждал его босые ступни, а тонкая казенная сорочка еле доставала до колен – видно, в больнице не нашлось такой, которая была бы впору пациенту его роста, метр восемьдесят с лишним. Он чувствовал, как кровь сочится из продырявленной вены и стекает в ладонь.

Пули по-прежнему барабанили по тяжелой двери, и доктор Брукс бесцеремонно втолкнула Лэнгдона в маленькую уборную. Уже готовая последовать за ним, она вдруг остановилась, бросилась назад и схватила с кушетки его заляпанный кровью твидовый пиджак.

Да черт с ним, с этим бараклом!

Вернувшись с пиджаком в руках, она быстро заперла дверь в уборную. Ровно в тот же миг основная дверь в палату, которую они только что покинули, с треском распахнулась.

Молодая женщина не потеряла самообладания. Она живо пересекла крошечную уборную, рывком открыла вторую дверь и вывела Лэнгдона в соседнюю палату. Под грохот отдающихся эхом выстрелов доктор Брукс выглянула наружу и, быстро схватив Лэнгдона за руку, перетасила его через коридор на лестничную площадку. От этой внезапной суеты у Лэнгдона закружилась голова; он чувствовал, что может потерять сознание в любой момент.

Следующие пятнадцать секунд промчались как в тумане, – Лэнгдон бежал вниз по лестнице... спотыкаясь... падая... В голове стучало словно молотом. Все вокруг теперь расплывалось еще сильнее, а мышцы его были вялыми и реагировали на команды мозга с явным опозданием.

Потом ему в лицо пахнуло холодом.

Я на улице.

Когда доктор Брукс волокла Лэнгдона по темному переулку прочь от здания больницы, он наступил на что-то острое и рухнул, больно ударившись о мостовую. Его спутница помогла ему встать на ноги, помянув недобрым словом снотворное, которым его напичкали.

Уже в самом конце переулка Лэнгдон снова споткнулся. На этот раз она не стала его поднимать и выскочила на улицу, громко окликая кого-то вдалеке. Лэнгдон заметил тусклый зеленый огонек такси перед входом в больницу. Машина не двигалась – очевидно, шофер задремал. Доктор Брукс продолжала отчаянно кричать и махать руками. Наконец фары автомобиля загорелись, и он лениво покатил в их сторону.

Позади Лэнгдона, в переулке, с шумом распахнулась дверь и послышался быстро приближающийся топот. Оглянувшись, Лэнгдон увидел бегущую к ним темную фигуру. Он попытался встать на ноги, но доктор Брукс уже сгребла его в охапку и стала запикивать в подъехавший «фиат». Кое-как втолкнув его туда, так что он очутился наполовину на заднем сиденье, наполовину на полу, она нырнула внутрь следом за ним и захлопнула дверцу.

Шофер с заспанными глазами обернулся и изумленно уставился на странную парочку, только что ввалившуюся в его такси, – светловолосую молодую женщину в медицинской форме и мужчину в изодранной больничной сорочке, с кровоточащей рукой. Он уже хотел было сказать им, чтобы они убирались из его машины к чертовой матери, но тут боковое зеркальце разлетелось на мелкие куски. Из переулка выскочила женщина в черной коже и навела на них пистолет. Раздался шипящий хлопок, но доктор Брукс успела схватить Лэнгдона за шею и пригнуть ему голову. Заднее стекло разлетелось вдребезги, осыпав их дождем осколков.

Шоферу не понадобилось дополнительных уговоров. Он выжал педаль газа, и такси сорвалось с места.

Лэнгдон балансировал на грани обморока. *Кто-то пытается меня убить?*

Когда они свернули за угол, доктор Брукс выпрямилась и взяла Лэнгдона за окровавленную руку. Трубка неуклюже торчала из раны на сгибе его локтя.

– Смотрите в окно, – велела она.

Лэнгдон послушался. Снаружи проносились мимо призрачные могильные памятники. Почему-то казалось вполне логичным, что они проезжают кладбище. Лэнгдон почувствовал, как пальцы его спутницы аккуратно нащупывают обрывок трубки, – и тут, без предупреждения, она резко выдернула его вместе с иглой.

Жгучая боль пронзила Лэнгдона от локтя до самого затылка. Он ощутил, как глаза его

закатились, а потом все вокруг померкло.

Пронзительный телефонный звонок заставил шефа оторвать взгляд от мирной дымки над Адриатикой, и он быстро вернулся в свою оборудованную под офис каюту.

Давно пора, подумал он, предвкушая хорошие вести.

Компьютерный экран на столе вспыхнул, сообщая ему, что поступил вызов со шведского телефона «Сектра тайгер экс-эс», использующего шифрование речи. Прежде чем попасть на корабль, сигнал был переадресован через четыре неотслеживаемых коммутатора.

Он надел наушники.

– Шеф слушает, – медленно и внятно произнес он. – Говорите.

– Это Вайента, – ответили ему.

Шеф уловил в ее голосе необычную нервозность. Оперативники редко связывались с ним напрямую и еще реже оставались у него на службе после таких серьезных провалов, как прошлой ночью. Однако для устранения кризиса шефу требовался агент на месте, а никого лучше Вайенты все равно было не найти.

– Есть новости, – сказала Вайента.

Шеф молчал, дожидаясь продолжения.

Когда она заговорила снова, ее тон был нарочито бесстрастен – попытка сохранить хорошую мину при плохой игре.

– Лэнгдон сбежал, – сказала она. – Объект у него.

Шеф опустился в кресло за столом и долгое время не нарушал молчания.

– Понял, – произнес он наконец. – Я полагаю, он обратится к властям при первой же возможности.

На две палубы ниже каюты шефа, в изолированном центре управления, сидящий в отдельной кабинке старший координатор Лоренс Ноултон заметил, что разговор шефа по закодированной линии кончился. Он надеялся, что получены хорошие известия. Последние два дня шеф явно был не в своей тарелке, и все его подчиненные чувствовали, что проводится операция, ставки в которой очень высоки.

Ставки невероятно высоки, и на этот раз Вайенте лучше не ошибаться.

Ноултон привык руководить хитроумными и рискованными проектами, но в этом случае все пошло наперекосяк, и шеф взял управление на себя.

Мы вторглись на незнакомую территорию.

Хотя в настоящее время в разных уголках света выполнялось еще с полдюжины заданий, все их контролировали старшие оперативники Консорциума на местах, так что сам шеф и его сотрудники на борту «Мендация» могли сосредоточиться исключительно на проекте, вызывающем наибольшее беспокойство.

Несколько дней назад их клиент покончил с собой, бросившись с высокой башни во Флоренции, но договор с ним предусматривал оказание еще целого ряда необычных услуг. Клиент выдвинул несколько конкретных требований, которые Консорциум обязался удовлетворить независимо от обстоятельств, – и теперь, как всегда, это обещание следовало сдерживать, несмотря ни на что.

У меня есть приказ, подумал Ноултон. *И я его выполню.* Он вышел из своей звукоизолированной стеклянной кабинки и прошагал мимо нескольких соседних кабинок –

где-то стены были прозрачными, где-то нет, – в которых его коллеги занимались другими сторонами той же проблемы.

Кивнув по дороге специалистам по техобслуживанию, Ноултон пересек главную диспетчерскую с прохладным кондиционированным воздухом и вошел в маленькое хранилище с десятком сейфов. Он отпер один из них и достал его содержимое – ярко-красную флешку. Согласно прикрепленной к ней инструкции, на флешке был записан большой видеофайл, который их клиент велел разослать по главным новостным интернет-порталам завтра утром, в строго определенный час.

Осуществить такую анонимную рассылку не составляло труда, но протокол обращения со всеми цифровыми данными требовал, чтобы предварительный просмотр этого файла был произведен *сегодня*, за двадцать четыре часа до отправки, – благодаря этой предосторожности Консорциум мог успеть при нужде раскодировать файл или внести в него другие технические изменения.

Все случайности должны быть исключены.

Ноултон вернулся в свою прозрачную кабинку и закрыл тяжелую стеклянную дверь, отгородив себя от внешнего мира. Затем щелкнул переключателем, и стены его офиса тут же стали матовыми. В целях обеспечения необходимой секретности все перегородки между служебными помещениями на борту «Мендация» были сделаны из особого стекла с применением технологии «взвешенных частиц». Прозрачность такого стекла легко менялась путем подачи или выключения электрического тока, благодаря чему крошечные продолговатые частицы внутри панелей либо выстраивались параллельно друг другу, либо снова принимали хаотическое положение.

Вся деятельность Консорциума строилась на жестком разделении обязанностей сотрудников.

Выполняй только свое задание. Никому ничего не рассказывай.

Теперь, уединившись в своем личном уголке, Ноултон вставил флешку в компьютер и кликнул на нужный ярлычок, открывая файл.

Экран сразу же потемнел... и из динамиков донесся мягкий плеск воды. Затем на дисплее медленно появилось изображение – неясное, расплывчатое. Выступающие из темноты контуры обретали четкость... и Ноултон словно очутился внутри пещеры... или огромного склепа. Вместо пола в этой пещере была вода – что-то вроде подземного озера. Она слабо светилась... как будто бы изнутри.

Ноултон никогда не видел ничего подобного. Весь грот наполняло какое-то потустороннее красноватое сияние, а на его бледных стенах тонкими усиками играли отражения водной ряби. *Что это за место?*

Под тихий непрерывный плеск камера неизвестного оператора наклонилась и стала двигаться вертикально вниз, прямо к воде, а затем пересекла ее подсвеченную поверхность. Звуки, доносящиеся из динамиков, сменились жутковатой подводной тишиной. Камера продолжала опускаться, пока не остановилась на глубине около метра, наведенная на подернутое илом дно.

К дну была привинчена прямоугольная табличка из блестящего титана.

На ней была надпись.

**В ЭТОМ МЕСТЕ И В ЭТОТ ДЕНЬ
МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА**

В нижней части таблички стояли имя и дата.

Имя – клиента.

Дата... завтра.

Лэнгдон почувствовал, как чьи-то крепкие руки поднимают его... вытаскивают из забытья, помогают выбраться из такси. Мостовая леденила его босые ноги.

Стараясь не слишком тяжело опираться на свою стройную спутницу, Лэнгдон побрел по безлюдному проулку между двумя высокими жилыми домами. Навстречу потянуло утренним ветерком, вздувающим его больничную сорочку, и Лэнгдон ощутил холод в тех местах, куда ветер не должен был бы добраться.

Успокоительное, которое Лэнгдону ввели в реанимации, мешало ему не только ясно видеть, но и ясно соображать. Он шел словно под водой, протискиваясь сквозь вязкий, тусклый мир. Сиена Брукс влекла его вперед, поддерживая с неожиданной силой.

– Ступеньки, – подсказала она, и Лэнгдон понял, что они достигли бокового входа в здание.

Схватившись за перила и медленно переставляя ноги, Лэнгдон кое-как потащился вверх. Собственное тело казалось ему неподъемным. Доктор Брукс неумоимо подталкивала его сзади. Когда они одолели крыльцо, она набрала шифр на ржавом кодовом замке, тот прозудел, и дверь отворилась.

Внутри было ненамного теплее, чем на улице, но после грубой бульжной мостовой плиточный пол показался босому Лэнгдону мягким ковром. Доктор Брукс провела своего спутника к крошечному лифту, рывком открыла раздвижную дверь и сунула его в кабинку размером с телефонную будку. В лифте пахло сигаретами «MS» – в Италии этот горьковато-сладкий аромат так же вездесущ, как запах свежего кофе эспрессо. Вдохнув его, Лэнгдон почувствовал, что в голове слегка прояснилось. Доктор Брукс нажала кнопку, и где-то высоко над ними звякнули и пришли в движение усталые шестерни.

Наверх...

Скрипучая кабинка дрожала и вибрировала на ходу. Ее стены представляли собой всего лишь металлические сетки, и Лэнгдон видел, как мерно скользят мимо стены самой шахты. Несмотря на полубессознательное состояние Лэнгдона, его хроническая клаустрофобия никуда не исчезла.

Не смотри.

Он прислонился к стене, стараясь отдышаться. Рука у него болела, и, поглядев вниз, он увидел, что она неуклюже перевязана рукавом его твидового пиджака. Сам пиджак, грязный и обтрепанный, волочился по полу.

Мучительный стук в висках заставил Лэнгдона закрыть глаза, и его снова поглотила чернота. Из нее выступило знакомое видение – похожая на статую женщина в вуали, с амулетом и серебристыми, чуть подвитыми волосами. Как и прежде, она стояла на берегу кроваво-красной реки среди корчащихся тел. Она обратилась к Лэнгдону, и в ее голосе сквозила мольба. *Ищите, и найдете!*

Лэнгдон почувствовал, что должен во что бы то ни стало спасти ее... спасти всех. Ноги того, кто был заживо погребен вниз головой, бессильно обмякли... одна, потом другая.

Кто вы? – беззвучно крикнул он. *Что вам нужно?*

Ее роскошные серебристые волосы затрепетали на горячем ветру. *Время уже на исходе,* прошептала она, дотронувшись до своего ожерелья с амулетом. Потом вдруг вспыхнула слепящим столпом огня, который ринулся через реку и поглотил их обоих.

Лэнгдон закричал, и глаза его широко раскрылись.

На него с тревогой смотрела доктор Брукс.

– Что такое?

– Опять галлюцинации! – воскликнул Лэнгдон. – Та же картина!

– Женщина с серебристыми волосами? И мертвые тела вокруг?

Лэнгдон кивнул. На лбу у него проступили капельки пота.

– Это пройдет, – обнадежила его доктор Брукс, хотя ее голос тоже слегка дрожал. – Навязчивые видения – обычная вещь при амнезии. Та функция мозга, которая сортирует и упорядочивает ваши воспоминания, временно нарушена, так что все сливается в один образ.

– Не очень-то приятный, – заметил он.

– Понимаю, но пока вы не поправитесь, ваши воспоминания будут спутанными и беспорядочными – прошлое, настоящее и воображаемое в одной куче. То же самое происходит во сне.

Дернувшись, лифт остановился, и доктор Брукс толкнула в сторону раздвижную дверь. Они снова пошли – теперь по темному узкому коридору. Миновали окно, за которым смутно маячили в первых проблесках рассвета флорентийские крыши. В дальнем конце коридора она нагнулась, вынула из-под измученного жаждой декоративного растения ключ от квартиры и отперла дверь.

Квартира была маленькая и, судя по запаху, служила ареной долгой борьбы между свечой с ванильным ароматом и старыми коврами. Мебель и картины на стенах выглядели убого, словно хозяйка купила их на дешевой распродаже. Доктор Брукс повернула регулятор термостата, и ожившие батареи тихо заурчали.

Остановившись на пару секунд, она закрыла глаза и глубоко вздохнула, будто приходя в себя. Затем повернулась и помогла Лэнгдону пройти в скромную кухоньку с пластиковым столом и двумя шаткими стульями.

Лэнгдон шагнул было к стулу – ему не терпелось сесть, но доктор Брукс схватила его за руку, а другой рукой открыла шкафчик. Он был почти пуст... крекеры, несколько пакетиков макарон, банка кока-колы и пузырек с надписью «NoDoz».

Она достала пузырек и вытряхнула Лэнгдону на ладонь шесть таблеток.

– Кофеин, – объяснила она. – Для работы в ночную смену, как сегодня.

Лэнгдон сунул таблетки в рот и огляделся, ища, чем их запить.

– Жуйте, – сказала она. – Так они быстрее подействуют и нейтрализуют снотворное.

Лэнгдон начал жевать и тут же скривился. Таблетки были горькие – их явно полагалось глотать целиком. Доктор Брукс открыла холодильник и протянула Лэнгдону початую бутылку минералки. Он с благодарностью принял к горлышку.

Когда он напился, хозяйка сняла с его правой руки импровизированную повязку и положила грязный пиджак на стол. Потом тщательно осмотрела рану. Лэнгдон чувствовал, как дрожат ее стройные руки, поддерживающие его локоть.

– Жить будете, – заключила она.

Лэнгдон надеялся, что его спасительница не слишком пострадала. Ему трудно было даже подумать о том, что они сегодня вынесли.

– Доктор Брукс, – сказал он, – нам надо позвонить куда-нибудь. В консульство... в полицию. Куда-нибудь.

Она согласно кивнула.

– А еще не надо больше называть меня доктор Брукс. Меня зовут Сиена.

Лэнгдон кивнул:

– Спасибо. Я Роберт. – После их совместного бегства от убийцы перейти с фамилий на имена казалось вполне естественным. – Вы говорили, что вы англичанка?

– Да, по рождению.

– Что-то я не слышу акцента.

– Ну и хорошо, – ответила она. – Я его долго вытравляла.

Лэнгдон уже хотел было спросить зачем, но Сиена жестом пригласила его следовать за собой. Она провела его по тесному коридорчику в маленькую неуютную ванную. Здесь, в зеркале над раковиной, Лэнгдон увидел свое отражение впервые после того, как заметил его в окне больничной палаты.

Да уж. Густые темные волосы Лэнгдона были взъерошены, усталые глаза налиты кровью. Подбородок затянуло пеленой щетины.

Сиена повернула кран и сунула раненую руку Лэнгдона до самого локтя под ледяную воду. Рука сильно заныла, но Лэнгдон, морщась, держал ее под струей.

Достав чистое полотенце, Сиена сбрызнула его жидким антибактериальным мылом.

– Может, отвернетесь?

– Ничего. Меня не пугает вид...

Сиена принялась тереть что было сил, и руку Лэнгдона пронзила острая боль. Он стиснул зубы, чтобы не вскрикнуть.

– Инфекция вам ни к чему, – сказала она, работая еще энергичнее. – Кроме того, если хотите звонить властям, надо иметь ясную голову. Для выработки адреналина нет средства лучше боли.

Лэнгдон терпел эту пытку добрых десять секунд, но потом все же выдернул руку. *Хватит!* Правда, теперь он действительно почувствовал себя в тонусе и избавился от последних следов сонливости; боль в руке окончательно прогнала головную.

– Отлично, – сказала Сиена, выключая воду и промокая его руку чистым полотенцем. Потом заново перевязала ему локоть, но, пока она возилась с перевязкой, Лэнгдона отвлекло только что замеченное и очень неприятное для него обстоятельство.

Вот уже почти сорок лет Лэнгдон носил на запястье старинные коллекционные часы с Микки-Маусом – подарок родителей. Веселая мордашка Микки и его смешно жестикулирующие лапки каждый день напоминали ему о том, что надо чаще улыбаться и что жизнь не заслуживает чересчур серьезного отношения.

– Мои часы... – пробормотал Лэнгдон. – Куда они делись? – Без них он вдруг ощутил себя неполноценным. – Они были на мне, когда я пришел в больницу?

Сиена посмотрела на него с удивлением, явно не понимая, почему он разволновался из-за такого пустяка.

– Я никаких часов не помню. Ну ладно, приводите себя в порядок. Через несколько минут я вернусь, и мы с вами решим, к кому обратиться за помощью. – Она шагнула прочь, но замешкалась на пороге, встретившись взглядом с его отражением в зеркале. – А пока меня нет, советую вам хорошенько подумать, почему кому-то так сильно захотелось вас убить. Сдается мне, это первое, о чем вас спросят представители власти.

– Погодите. Куда вы?

– Нельзя же говорить с полицией полуголым. Попробую найти вам какую-нибудь одежду. Мой сосед примерно одного роста с вами. Сейчас он в отъезде, а я кормлю его кошку. Он у меня в долгу.

С этими словами Сиена исчезла.

Роберт Лэнгдон снова повернулся к крошечному зеркалу над раковиной и едва узнал человека, который воззрился на него оттуда. *Кто-то хочет меня убить*. В мозгу у него опять зазвучало его собственное бормотание, записанное на пленку.

Зарево... зарево... зарево...

Он пошарил в памяти, ища подсказку... хоть какую-нибудь. Но там была одна пустота. Сейчас Лэнгдон знал лишь то, что он во Флоренции с пулевой раной головы.

Вглядываясь в свои усталые глаза, Лэнгдон подумал, а не проснется ли он через секунду-другую в любимом домашнем кресле с пустым бокалом из-под джина в одной руке и «Мертвыми душами» в другой, только чтобы убедиться лишний раз, что Гоголя ни в коем случае нельзя смешивать с «Бомбейским сапфиром».

Лэнгдон сбросил с себя окровавленную больничную сорочку и обмотал вокруг талии полотенце. Поплескав в лицо водой, он осторожно ощупал швы на затылке. Место было воспаленное, но когда он расчесал свои спутанные волосы, рана стала практически незаметной. Кофеиновые таблетки уже действовали, и туман, окутавший его сознание, потихоньку рассеивался.

Думай, Роберт. Вспоминай.

Вдруг стены крошечной ванной без окон точно стиснули его в своем замкнутом пространстве, и, выйдя в коридор, он инстинктивно двинулся к лучу естественного света, падающему из приоткрытой двери напротив. Комната за ней оказалась чем-то вроде обустроенного на скорую руку кабинета: дешевый стол, потертый вращающийся стул, на полу стопка-другая книжек – и, слава Богу... *окно*.

Лэнгдон шагнул поближе к дневному свету.

Тосканское солнце только что проснулось и золотило самые высокие башни пробуждающегося города – колокольню Джотто, Бадию, Барджелло. Лэнгдон прижался лбом к холодному стеклу. Мартовский воздух, свежий и прохладный, словно усиливал солнечный свет, который лился из-за гор.

Свет художника – так его называют.

В самом сердце городского пейзажа вздымался гигантский купол, облицованный красной черепицей и увенчанный золоченым медным шаром, сверкающим, точно маяк. *Дуомо*. Спроектировав могучий купол для главного флорентийского собора, Брунеллески вписал свое имя в историю архитектуры – и теперь, спустя более чем пятьсот лет, его творение высотой в 114 метров по-прежнему украшало центральную городскую площадь.

Почему я очутился во Флоренции?

Для Лэнгдона, страстного поклонника итальянского искусства, этот город всегда был одним из самых любимых в Европе. На его улицах в детстве играл Микеланджело, в его художественных мастерских зародился итальянский Ренессанс. Миллионы туристов стекались в музеи Флоренции, чтобы насладиться «Рождением Венеры» Боттичелли, «Благовещением» Леонардо и главной гордостью и отрадой всех флорентийцев – статуей Давида.

Микеланджеловский «Давид» очаровал Лэнгдона с первой встречи. Когда-то, еще подростком, он зашел в Академию изящных искусств... медленно прошагал вдоль угрюмой шеренги незаконченных микеланджеловских «Рабов»... и вдруг ощутил, как его взгляд невольно и неодолимо поднимается, притянутый этим шедевром высотой в пять с лишним метров. Грандиозность и рельефная мускулатура Давида поражали почти всех, кто видел этого мифического героя впервые, однако на Лэнгдона произвела наибольшее впечатление его гениальная поза: воспользовавшись классическим приемом под названием «контрапост», Микеланджело создал иллюзию, что Давид, чуть наклонившийся вправо, практически не опирается на свою левую ногу, тогда как в действительности она поддерживала собой целые тонны мрамора.

Благодаря «Давиду» Лэнгдон получил первое представление о мощи, заключенной в великих образцах скульптуры. Теперь он спросил себя, навещал ли своего любимца в последние несколько дней, но единственным доступным ему воспоминанием оставалось

одно – как он очнулся в больнице и стал свидетелем убийства ни в чем не повинного врача.

Вдруг на него нахлынуло щемящее чувство вины. *Что же я натворил?*

Стоя у окна, он заметил краешком глаза лежащий на столе ноутбук. Внезапно его осенило: что бы ни произошло с ним вчера вечером, об этом уже наверняка сообщили в новостях.

Если мне удастся выйти в Интернет, я смогу во всем разобраться.

Лэнгдон повернулся к двери и позвал хозяйку.

Тишина. Видимо, доктор Брукс все еще искала для него одежду.

Не сомневаясь, что Сиена простит ему эту бесцеремонность, Лэнгдон открыл компьютер и включил его.

Экран ожил – на нем возникло голубое небо с облачками, стандартная заставка операционной системы. Лэнгдон тут же перешел на итальянскую версию «Гугла» и набрал в поисковой строке свое имя.

Видели бы меня сейчас мои студенты, подумал он, нажимая ввод. Лэнгдон постоянно твердил им, чтобы они не «гуглили» самих себя – это странное новое увлечение было порождено страстным желанием прославиться, обуявшим в последнее время чуть ли не всю американскую молодежь.

На экране появились результаты – сотни ссылок на Лэнгдона, его книги и лекции. *Нет, все не то.*

Лэнгдон ограничил поиск рубрикой новостей.

Возникла другая страница: *Новые результаты для «Роберт Лэнгдон».*

Роберт Лэнгдон будет подписывать экземпляры своих книг...

Речь Роберта Лэнгдона на церемонии вручения дипломов...

Роберт Лэнгдон выпускает учебник по символогии для...

Список был длиной в несколько страниц, однако Лэнгдон не видел в нем ничего такого, что относилось бы к последним дням, – и уж точно ничего такого, что могло бы объяснить его нынешнюю ситуацию. *Что случилось вчера вечером?* Лэнгдон решил продолжать расследование и перешел на сайт «Флорентайн» – англоязычной газеты, выходящей во Флоренции. Он проглядел заголовки, раздел горячих новостей и полицейский блог, узнав о пожаре в чьей-то квартире, о коррупционном скандале в правительстве и о целом ряде мелких преступлений.

Неужели совсем ничего?!

Его внимание привлекла заметка о городском чиновнике, который прошлым вечером скончался на Соборной площади от сердечного приступа. Имя чиновника пока не сообщалось, однако криминалом в этом деле, похоже, и не пахло.

Наконец, не зная, что еще предпринять, Лэнгдон зашел в свою гарвардскую почту и проверил корреспонденцию в расчете на то, что в ней может содержаться какой-нибудь полезный намек. Но и там он не нашел ничего, кроме обычных писем от коллег, студентов и друзей, по большей части с напоминаниями о встречах, запланированных на будущей неделе.

Похоже, никто и не догадывается, что я уехал.

Все больше недоумевая, Лэнгдон выключил компьютер и закрыл крышку. Он уже хотел отойти, но тут его взгляд ненароком упал на угол стола. Там, поверх стопки медицинских журналов и документов, лежал поляроидный снимок – Сиена Брукс и ее бородатый коллега, весело смеющиеся в больничном коридоре.

Лэнгдон взял фотографию, чтобы получше ее рассмотреть. *Доктор Маркони,* подумал он

с горьким чувством вины. Потом, возвращая снимок обратно, с удивлением заметил на верху стопки пожелтевший буклетик – старую программку из лондонского театра «Глобус». Судя по ее обложке, там ставили шекспировский «Сон в летнюю ночь»... почти двадцать пять лет назад.

На программке было написано фломастером: «Дорогая, никогда не забывай, что ты чудо».

Лэнгдон поднял программку, и из нее выпали несколько газетных вырезок. Он хотел было вернуть их на место, но, открыв буклет на нужной странице, вдруг замер от изумления.

С фотографии на него смотрела девочка-актриса, исполнявшая роль проказливого эльфа Пака. На вид ей было не больше пяти, а ее светловолосую головку украшал знакомый хвостик.

Подпись под фото гласила: «Рождение звезды».

Рядом была краткая биография актрисы – восторженный рассказ о театральном чуде-ребенке, Сиене Брукс, с зашкаливающим коэффициентом интеллекта. За один вечер эта девочка умудрилась запомнить слова всех персонажей пьесы и на первых репетициях частенько подсказывала товарищам забытые реплики. Среди увлечений пятилетнего вундеркинда значились скрипка, шахматы, химия и биология. Дочь богатых родителей из лондонского пригорода Блэкхита, девочка уже успела прославиться: в возрасте четырех лет она обыграла в шахматы гроссмейстера и вдобавок читала на трех языках.

Боже мой, подумал Лэнгдон. Сиена! Пожалуй, это кое-что объясняет.

Лэнгдон вспомнил, что одним из самых знаменитых выпускников Гарварда был вундеркинд Сол Крипке, который к шести годам самостоятельно изучил иврит, а к двенадцати прочел все труды Декарта. Недавно Лэнгдону довелось читать и о другом юном феномене по имени Моше Кай Кавалин – в одиннадцать лет он окончил колледж со средним баллом 4,0 и стал чемпионом страны по боевым искусствам, а в четырнадцать опубликовал книгу под названием «Мы можем».

Лэнгдон взял другой листок – газетную статью с фотографией Сиены в возрасте семи лет: **ГЕНИАЛЬНЫЙ РЕБЕНОК ДЕМОНИСТРИРУЕТ IQ 208**. Он и не знал, что коэффициент интеллекта бывает таким высоким. Если верить этой статье, Сиена виртуозно играла на скрипке, могла за месяц овладеть иностранным языком и сама изучала анатомию и физиологию.

Он взглянул на следующую вырезку, теперь уже из медицинского журнала: **БУДУЩЕЕ МЫСЛИ – НЕ ВСЕ МОЗГИ СОЗДАНЫ ОДИНАКОВЫМИ**. Здесь тоже была фотография Сиены – все такая же белобрысая, она стояла рядом с солидным медицинским аппаратом. В статье приводилось интервью с врачом, объясняющим, что ПЭТ-сканирование мозжечка Сиены выявило его физические отличия от других мозжечков – в ее случае это был более крупный орган более обтекаемой формы, способный обрабатывать визуально-пространственную информацию методами, о которых прочие люди не имеют даже самого отдаленного представления. По мнению врача, это физиологическое преимущество Сиены было результатом необычайно ускоренного клеточного роста в ее мозгу, напоминающего рак – с тем отличием, что у нее росла доброкачественная мозговая ткань, а не вредная опухолевая.

Лэнгдон нашел вырезку из газеты какого-то маленького городка.

ПРОКЛЯТИЕ ГЕНИАЛЬНОСТИ.

Здесь фотографии не было, но рассказывалось о гениальной девочке Сиене Брукс,

которая перестала ходить в обычную школу, потому что ее задрознили: слишком уж она отличалась от других учеников. Автор писал, что одаренные дети часто оказываются в изоляции, поскольку их социальные навыки отстают в развитии от интеллекта. По этой причине они нередко подвергаются остракизму со стороны сверстников.

В статье говорилось, что Сиена сбежала из дома в возрасте восьми лет и ее не могли разыскать целых десять дней. Потом ее нашли в шикарном лондонском отеле: она притворилась дочкой другого постояльца, украла ключ и заказала себе в номер ужин за чужой счет. Выяснилось, что за минувшую неделю она успела прочесть 1600-страничную «Анатомию» Грея. Когда полицейские спросили ее, зачем она читает книги по медицине, она ответила, что хочет разобраться со своими мозгами. Что с ними не так?

Лэнгдону стало очень жаль несчастную девочку. Ему трудно было представить себе, до чего одиноким чувствует себя ребенок, который так сильно отличается от своих ровесников. Он снова сложил все вырезки, помедлив, чтобы бросить последний взгляд на пятилетнюю Сиену в роли Пака. С учетом того, в каких сюрреалистических обстоятельствах они встретились нынче утром, Лэнгдон не мог не признать, что роль озорного духа, навевающего сны, весьма подходит его новой знакомой. Он позавидовал персонажам шекспировской пьесы – больше всего ему хотелось проснуться, как они, и обнаружить, что все его недавние приключения были просто дурным сном.

Аккуратно вернув вырезки на место, Лэнгдон закрыл буклет, и снова попавшаяся ему на глаза надпись – *дорогая, никогда не забывай, что ты чудо*, – вызвала у него неожиданный приступ грусти. Он перевел взгляд на знакомый символ рядом с надписью. Это была та самая древнегреческая пиктограмма, которая и теперь украшает большинство театральных программ всего мира, – рисунок с 2500-летней историей, воплотивший в себе всю суть драматического театра.

Le maschere^[6].

Лэнгдон смотрел на привычные лики Комедии и Трагедии, глазеющие на него с картонной обложки, и вдруг у него в ушах раздалось странное гудение – как будто внутри его головы медленно натягивалась металлическая струна. В черепе взорвалась ослепительная боль. Маски на буклетике стали расплываться. Лэнгдон охнул и опустился на стул, плотно зажмурив глаза и сдавив ладонями виски.

В поглотившей его тьме вновь вспыхнули прежние видения... навязчивые, пугающе яркие.

Женщина с серебристыми волосами опять звала его из-за кроваво-красной реки. Ее отчаянные крики пронзали смердящий воздух, перекрывая вопли людей, которые бились в агонии и умирали повсюду, насколько хватал глаз. Лэнгдон снова увидел торчащие из земли ноги с буквой «R» – закопанный по пояс человек исступленно дрыгал ими, пытаясь освободиться.

Ищите, и найдете! – кричала Лэнгдону незнакомка. *Время уже на исходе!*

Лэнгдон вновь почувствовал непреодолимое желание помочь ей... помочь всем. Охваченный лихорадочной тревогой, он откликнулся на призыв таинственной незнакомки

своим криком. *Кто вы?!*

И опять женщина подняла руку и убрала вуаль, открыв лицо поразительной красоты, которое Лэнгдон уже видел.

Я жизнь, сказала она.

Внезапно в небе над ней проступил исполинский образ – жуткая маска с длинным, похожим на клюв носом и пылающими зелеными глазами, которые вперили в Лэнгдона свой неподвижный взор.

А я – смерть, раздался громopodobный голос.

Веки Лэнгдона мигом разомкнулись, и он испуганно перевел дух. Он все еще сидел у Сиены за столом – руки сжимают голову, сердце несется вскачь.

Что за чертовщина мне мерещится?

Образы женщины с серебристыми волосами и клювастой маски еще не померкли в его памяти. *Я жизнь. А я – смерть.* Он попытался стереть эти видения, но они отказывались исчезать, словно их выжгли в его мозгу навсегда. С лежащей на столе программки на него по-прежнему таращились две маски.

Ваши воспоминания будут спутанными и беспорядочными, сказала ему Сиена. *Прошрое, настоящее и воображаемое в одной куче.*

Лэнгдон никак не мог собраться с мыслями.

Где-то в квартире зазвонил телефон. Звонок был старомодный, залиvistый и доносился с кухни.

– Сиена! – крикнул Лэнгдон, поднимаясь с места.

Молчание. Она еще не вернулась. Всего лишь после двух звонков включился автоответчик.

– Ciao, sono io! – весело объявил голос Сиены. – *Lasciatemi un messaggio e vi richiameró* [7].

Раздался гудок, и из динамика зазвучал испуганный женский голос с сильным восточноевропейским акцентом. Он эхом отдавался в коридоре.

– Сиена, это Даникова! Где ты пропадать? Здесь ужас! Твой друг доктор Маркони, он мертвый! Вся больница пойти кувыркoм! Сюда приехать полиция! Люди говорить им, ты убежать, чтобы спасти *пациент!* Зачем?! Он же тебе никто! Теперь полиция хотеть говорить *с тобой!* Они смотреть твой анкета! Я знать, что там все не так – неправильный адрес, нет номер телефон, фальшивый рабочий виза, – так что сегодня они тебя не найти, но скоро найти! Я хотеть предупредить тебя. Мне очень жаль, Сиена!

На этом женщина дала отбой.

На Лэнгдона накатила очередная волна раскаяния. Судя по этому звонку, доктор Маркони разрешил Сиене работать в больнице. Появление Лэнгдона стоило доктору жизни, а Сиена, поддавшись благородному порыву и бросившись спасать своего пациента, навлекла на себя серьезные неприятности.

Как раз в этот момент в другом конце квартиры громко хлопнула дверь.

Она вернулась.

Несколько секунд спустя из автоответчика полился тот же голос. «Сиена, это Даникова! Где ты пропадать?!»

Лэнгдон поежился, зная, какие новости услышит Сиена. Пока звучала запись, он быстро подвинул на место театральный буклетик, замечая следы своего вторжения. Потом проскользнул по коридору в ванную, коря себя за то, что без спросу сунул нос в прошлое Сиены.

Еще через десять секунд в дверь ванной тихонько постучали.

– Я принесла вам одежду, – сказала Сиена. Ее голос срывался от волнения. – Вешаю все на ручку.

– Большое спасибо! – откликнулся Лэнгдон.

– Когда будете готовы, пожалуйста, приходите на кухню, – добавила она. – Прежде чем

мы с вами начнем куда-то звонить, я должна показать вам кое-что важное.

Сиена устало прошла по коридору в небольшую спальню. Вынув из шкафа синие джинсы и свитер, она отправилась в примыкающую к спальне душевую.

Глядя прямо в глаза собственному отражению, она подняла руку, взялась за свой увесистый хвостик, потянула его вниз – и стащила с головы парик.

Из зеркала на нее смотрела абсолютно лысая тридцатидвухлетняя женщина.

У Сиены была тяжелая судьба, и в борьбе с житейскими невзгодами она привыкла полагаться на свой незаурядный интеллект. Однако передряга, в которую она угодила на этот раз, потрясла ее до самой глубины души.

Отложив парик в сторону, она вымыла лицо и руки. Потом вытерлась, переделась, снова надела парик и убедилась, что он сидит на ней идеально ровно. Сиена всегда считала, что жалеть себя – последнее дело, но сейчас, когда слезы вскипали где-то глубоко внутри, она знала, что ей просто необходимо выплакаться.

И она дала себе волю.

Она оплакивала жизнь, которая вырвалась из-под ее контроля.

Оплакивала учителя, который погиб у нее на глазах.

Оплакивала бесконечное одиночество, заполнившее ее душу.

Но прежде всего она оплакивала будущее... которое вдруг стало таким неопределенным.

Координатор Лоренс Ноултон сидел в наглухо закрытой стеклянной кабинке в недрах роскошного судна «Мендаций» и озадаченно смотрел на экран компьютера, где только что закончилась видеозапись, оставленная их клиентом.

И это я должен завтра утром разослать по информационным порталам?

За десять лет работы в Консорциуме Ноултону доводилось выполнять самые разнообразные и порой очень странные задания, многие из которых были если и не откровенно незаконными, то уж, во всяком случае, сомнительными с точки зрения общепринятой морали. В этой теневой зоне проходила чуть ли не вся деятельность Консорциума – организации, чьей главной и единственной этической заповедью была готовность сделать все, что угодно, лишь бы сдержать данное клиенту обещание.

Мы выполняем свои обязательства. Без всяких вопросов, что бы ни случилось.

Однако необходимость выложить в Интернет эту видеозапись беспокоила Ноултона. Какими бы эксцентричными ни были его прошлые задания, он всегда понимал, чем они обусловлены... имел представление о мотивах... догадывался, какой нужен результат.

Но от этого видео ему стало не по себе.

В нем было что-то необычное.

Чересчур необычное.

Ноултон опять сел за компьютер и снова открыл видеофайл, надеясь, что после второго прогона что-нибудь прояснится. Он увеличил громкость и устроился поудобнее, чтобы спокойно и внимательно просмотреть весь девятиминутный фильм.

Как и в первый раз, запись началась с мягкого плеска воды в загадочной пещере, сплошь залитой зловещим красноватым сиянием. Вновь камера погрузилась в подсвеченную воду, чтобы показать илистое дно пещеры и табличку на нем. И вновь Ноултон прочел надпись на табличке:

**В ЭТОМ МЕСТЕ И В ЭТОТ ДЕНЬ
МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА**

То, что под этой надписью стояло имя их клиента, вселяло тревогу. То, что назначенный день наступит *завтра*... вызывало у Ноултона серьезное беспокойство. Однако это были еще цветочки – ягодки ждали впереди.

Камера повернулась влево, нацелясь на удивительный предмет, который словно парил под водой рядом с табличкой.

Это была большая сфера из тонкого пластика, прикрепленная ко дну короткой нитью. Она колебалась, как огромный мыльный пузырь, и походила на погруженный в воду воздушный шар... только не с гелием, а с какой-то студенистой желтовато-коричневой субстанцией. Этот аморфный, разбухший контейнер был, наверное, сантиметров тридцати в диаметре, а мутное облако жидкости внутри его тихо клубилось, как зародыш беззвучно зреющей бури.

Господи Боже, подумал Ноултон. По коже у него поползли мурашки. При повторе этот подводный мешок выглядел еще более пугающим, чем в первый раз.

Изображение медленно померкло.

Взамен возникло новое – сырая стена пещеры, на которой дрожали отблески освещенного водоема. На стене появилась тень... ее отбрасывал человек... он стоял в пещере.

Но голова его имела страшную, искаженную форму.

Вместо носа у человека торчал длинный клюв... словно он был наполовину птицей.

Когда он заговорил, голос его звучал глухо... и говорил он со зловещей выразительностью... внятно и размеренно... как рассказчик в классической драме.

Ноултон сидел не шевелясь, едва дыша, и слушал носатую тень.

Я Тень.

Если вы видите это, значит, моя душа наконец обрела покой.

Загнанный под землю, я вынужден обращаться к миру из ее глубин, из мрачной пещеры, где плещут кроваво-красные воды озера, не отражающего светил.

Но это мой рай... идеальная утроба для моего хрупкого детища.

Инферно.

Скоро вы узнаете, что я оставил после себя.

И однако даже здесь я слышу шаги глупцов, моих преследователей... они не остановятся ни перед чем, лишь бы сорвать мои планы.

На ум невольно приходят слова: прости их, ибо не ведают, что творят. Но в истории бывают моменты, когда невежество становится непростительным... когда даровать прощение может только мудрость.

С чистой совестью я оставляю всем вам в наследство дар Надежды и спасения, дар грядущего.

И все же среди вас есть те, что преследуют меня, как псы. Они ослеплены ложным убеждением в том, что я безумен. Одна из них – красавица с серебристыми волосами, которая осмеливается называть меня чудовищем! Подобно дремучим служителям церкви, осудившим на смерть Коперника, она считает меня демоном, и то, что я узрел Истину, вызывает у нее ужас.

Но я не пророк.

Я ваше спасение.

Я Тень.

Присядьте, – сказала Сиена. – Я хочу кое-что спросить.

Войдя в кухню, Лэнгдон почувствовал, что теперь он гораздо тверже стоит на ногах. На нем был позаимствованный у соседа костюм от Бриони, который по счастливой случайности оказался ему впору. Даже мягкие туфли, и те совсем не жали, и Лэнгдон мысленно пообещал себе, что по возвращении домой перейдет на итальянскую обувь.

Если вернусь, подумал он.

Сиена тоже преобразилась, переодевшись в облегающие джинсы и кремовый свитер. Этот наряд подчеркивал ее природную красоту и стройность гибкой фигуры. Ее волосы по-прежнему были собраны сзади в пучок, и без внушающей почтительный трепет медицинской формы она казалась более уязвимой. Лэнгдон заметил, что глаза у нее красные, как будто она плакала, и его вновь захлестнуло жгучее чувство вины.

– Мне очень жаль, Сиена. Я слышал телефонное сообщение. Не знаю, что и сказать.

– Спасибо, – ответила она. – Но сейчас нам надо сосредоточиться на вас. Пожалуйста, сядьте.

Ее тон стал тверже и напомнил Лэнгдону о газетных статьях, в которых обсуждались ее раннее развитие и незаурядный интеллект.

– Я хочу, чтобы вы подумали, – сказала Сиена, жестом предлагая ему стул. – Помните, как мы попали в эту квартиру?

Лэнгдон слегка удивился – при чем тут это?

– На такси, – ответил он, садясь у стола. – В нас стреляли.

– Не в нас, а в вас, профессор. Давайте не путать.

– Да. Простите.

– Помните, сколько было выстрелов, когда мы находились в машине?

Странный вопрос.

– Помню – два. Один попал в боковое зеркальце, другим разбили заднее стекло.

– Хорошо. Теперь закройте глаза.

Лэнгдон сообразил, что она проверяет работу его памяти. Он закрыл глаза.

– Во что я одета?

Лэнгдон прекрасно видел ее своим внутренним взором.

– На вас черные туфли без каблуков, синие джинсы и кремовый свитер с треугольным вырезом. Волосы у вас светлые, до плеч, собраны в хвост. Глаза карие.

Лэнгдон открыл глаза и поглядел на нее, довольный тем, что его эйдетическая память функционирует нормально.

– Отлично. Ваш визуально-когнитивный импринтинг безупречен, а это подтверждает, что ваша амнезия полностью ретроградна и механизмы, ответственные за процессы запоминания, не понесли непоправимого ущерба. Вспомнили что-нибудь новое о нескольких последних днях?

– К сожалению, нет. Только, пока вы ходили за одеждой, у меня снова были те же видения.

Лэнгдон рассказал, как повторилась его галлюцинация: женщина с вуалью, скопища мертвецов и торчащие из-под земли ноги с буквой «R». Потом он рассказал и о странной клювастой маске, которая возникла в небе.

– «Я смерть»? – спросила Сиена с тревогой в голосе.

– Да. Так и сказала.

– Ладно... Пожалуй, это будет почище, чем «Я Вишну, разрушитель миров».

Это были слова Роберта Оппенгеймера – он произнес их при испытании первой атомной бомбы.

– А эта маска... с клювом и зелеными глазами? – продолжала Сиена с озадаченным видом. – Откуда в вашем сознании мог появиться такой образ?

– Не имею ни малейшего понятия, но вообще-то такие маски были довольно широко распространены в Средние века. – Лэнгдон помедлил. – Это называется «чумная маска».

Сиена как будто слегка растерялась.

– Чумная маска?

Лэнгдон быстро объяснил, что в мире символов необычная маска с длинным клювом почти синонимична Черной Смерти – страшной чуме, которая прокатилась по Европе в четырнадцатом веке, скосив в отдельных областях целую треть населения. Многие считают, что слово «черная» в названии «Черная Смерть» относится к темным пятнам на теле больных из-за гангрены и подкожных кровоизлияний, но на самом деле оно отражает панический ужас, который эпидемия сеяла среди людей.

– Эти маски с длинным клювом носили средневековые лекари, борцы с чумой, – сказал Лэнгдон. – Так они старались удержать заразу подальше от своих ноздрей во время ухода за пораженными. А сегодня их надевают разве что на венецианском карнавале – этакое жутковатое напоминание о том мрачном периоде итальянской истории.

– И вы уверены, что видели в своих галлюцинациях именно такую маску? – чуть дрогнувшим голосом спросила Сиена. – Маску средневекового чумного доктора?

Лэнгдон кивнул. *Эту длинноклювую маску трудно не узнать.*

Сиена нахмурилась, и Лэнгдон догадался, что она выбирает самый удобный способ сообщить ему плохие вести.

– И та женщина все время повторяла «ищите, и найдете»?

– Да. В точности как раньше. Но вот в чем беда: я понятия не имею, что должен искать!

Сиена испустила долгий тяжелый вздох. Лицо ее было серьезно.

– Кажется, я догадываюсь. Больше того... Возможно, я это уже нашла.

Лэнгдон в изумлении уставился на нее:

– О чем вы говорите?!

– Роберт, вчера вечером, придя в больницу, вы принесли с собой в кармане пиджака кое-что необычное. Помните, что это было?

Лэнгдон покачал головой.

– Это была одна вещь... весьма и весьма неожиданная. Я обнаружила ее случайно, когда мы вас переодевали. – Сиена кивнула на стол, где лежал заляпанный кровью твидовый пиджак Лэнгдона. – Она все еще там. Хотите взглянуть?

Лэнгдон нерешительно покосился на пиджак. *По крайней мере теперь ясно, почему она за ним вернулась.* Он взял свой грязный пиджак и обшарил все его карманы по очереди. Пусто. Он повторил ту же процедуру. Затем, пожав плечами, обернулся к Сиене.

– Там ничего нет.

– А как насчет потайного кармана?

– Что? В моем пиджаке нет никаких потайных карманов!

– Неужели? – Вид у нее был озадаченный. – Выходит... это чей-то чужой пиджак?

Лэнгдон почувствовал, что у него снова путаются мысли.

– Нет, мой.

– Вы уверены?

Еще бы, подумал он. Совсем недавно это был мой старый добрый «Кемберли»!

Он вывернул пиджак, обнажив подкладку, и показал Сиене ярлычок со своим любимым символом из мира моды – знаменитой харрисовской сферой, украшенной тринадцатью драгоценными камешками, похожими на пуговицы, и увенчанной мальтийским крестом.

Лепить знаки Христова воинства на кусок ткани – пусть это останется на совести шотландцев!

– Взгляните сюда, – заметил Лэнгдон, указывая на вышитые от руки инициалы «Р.Л.». Он никогда не жалел денег на твидовые пиджаки ручной работы и потому всегда дополнительно платил за то, чтобы на фирменной эмблеме поставили его инициалы. В столовых и аудиториях его университета постоянно снимались и надевались сотни твидовых пиджаков, и Лэнгдон не имел ни малейшего желания совершать невыгодный для себя обмен.

– Я вам верю, – сказала она, забирая у него пиджак. – А теперь смотрите.

Сиена вывернула пиджак еще сильнее, так что их взгляду открылась его внутренняя часть у самого воротника. Там, аккуратно вшитый в подкладку, обнаружился большой скрытый карман.

Что за чудеса?

Лэнгдон был уверен, что никогда прежде его не видел.

Прорезь кармана представляла собой идеально ровный потайной шов.

– Раньше его здесь не было! – воскликнул Лэнгдон.

– Тогда, я полагаю, вы никогда не видели... *этого?* – Сиена залезла в карман, извлекла оттуда гладкий металлический предмет и мягко вложила его в руки Лэнгдону.

Лэнгдон уставился на него в полном недоумении.

– Знаете, что это за штука? – спросила Сиена.

– Нет... – промямлил он. – Никогда не видел ничего похожего.

– Ну а вот я, к сожалению, знаю. И я абсолютно уверена, что это и есть причина, по которой вас пытаются убить.

Меряя шагами свою рабочую кабинку на борту «Мендация» и размышляя о видеофильме, который ему предстояло обнародовать на следующий день, координатор Ноултон нервничал все сильнее и сильнее.

Я Тень?

Ходили слухи, что этот клиент Консорциума провел последние несколько месяцев в состоянии психического расстройства, и его видео убедительно это подтверждало.

Ноултон понимал, что у него есть два варианта: или подготовить материал к рассылке, как и планировалось, или отнести его наверх, к шефу, для дополнительного обсуждения.

Я уже знаю, что он ответит, подумал Ноултон. На его памяти не было ни одного случая, когда шеф отказался бы выполнить данное клиенту обещание. Он прикажет мне выложить файл в Интернет без всяких вопросов... и будет в ярости из-за того, что я их задаю.

Ноултон вернулся к компьютеру и перемотал запись на самое тревожное место. Потом включил воспроизведение, и на экране вновь появилась залитая призрачным светом пещера, где плескалась вода. На усеянной каплями стене маячила уродливая тень высокого человека с

длинным птичьим клювом.

Затем она заговорила глухим голосом:

Сейчас мы переживаем новое Средневековье.

Несколько столетий тому назад Европа находилась в глубоком кризисе – ее население страдало от тесноты и голодало, погрязнув в грехе и безнадежности. Она была подобна неухоженному лесу – такой лес, задушенный сухостоем, только и ждет от Бога удара молнии, искры, способной зажечь бушующее пламя, которое пронесется по нему и вычистит весь мусор, чтобы здоровые корни снова могли получать живительный свет.

Отбраковка – элемент естественного порядка вещей, установленного самим Богом.

Спросите себя, что последовало за Черной Смертью.

Мы все знаем ответ.

Ренессанс.

Возрождение.

Так было всегда. За смертью следует рождение.

Чтобы достичь Рая, человек должен пройти через Ад.

Так учил нас великий мастер.

И все же среброволосая невежда осмеливается называть меня чудовищем! Неужто она до сих пор не постигла математики будущего? Ужасов, которые оно несет?

Я Тень.

Я ваше спасение.

И вот я стою – глубоко в недрах земли, глядя на кроваво-красные воды, куда не смотрятся светила. Здесь, в этом подземном дворце, тихо зреет Инферно.

Скоро он вспыхнет яростным пламенем.

И когда это произойдет, ничто на Земле не сможет остановить его.

Лэнгдон держал в руке предмет, на удивление увесистый для своих размеров. Это был узкий металлический цилиндрок сантиметров пятнадцати в длину, гладко отшлифованный и закругленный с обоих концов, как миниатюрная торпеда.

– Пока не дошло до беды, рекомендую взглянуть на него с другой стороны, – посоветовала Сиена с натянутой улыбкой. – А то вдруг уроните. Вы ведь называли себя профессором символогии, не так ли?

Лэнгдон повернул цилиндрок, и ему сразу бросился в глаза оттиснутый на его боку ярко-красный значок.

Его тело мгновенно напряглось.

Лэнгдон хорошо разбирался в иконографии и знал, что способностью вызывать у человека мгновенный страх обладают очень немногие изображения... но та эмблема, которую он видел сейчас, безусловно, входила в их число. Его реакция была немедленной и инстинктивной: он тут же положил цилиндрок на стол и отодвинулся назад вместе со стулом.

– Я тоже испугалась, – кивнула Сиена.

Значок представлял собой три симметричных незамкнутых кружочка:

Лэнгдон где-то читал, что этот зловещий символ придумали в компании «Доу кемикал» в 1960-х годах – им заменили множество неэффективных предостерегающих знаков, которые использовались прежде. Как и все удачные эмблемы, он был прост, быстро запоминался и легко воспроизводился. Вскоре этот символ, означающий биологическую угрозу, стал известен во всем мире; он вызывал вполне уместные ассоциации с крабьими клешнями, метательными ножами ниндзя и прочими малоприятными вещами, а потому выглядел зловеще для носителя любого языка.

– Этот маленький контейнер – так называемая биокапсула, – сказала Сиена. – Применяется для транспортировки опасных веществ. Мы, медики, тоже иногда с ними сталкиваемся. У нее внутри пенопластовая трубочка, в которую можно вставить обычную пробирку и везти куда угодно без риска разбить. А в этом случае, – она указала на значок биологической угрозы, – я бы предположила, что там какой-нибудь смертельно ядовитый химикат... или вирус? – Она помедлила. – Первые образцы вируса Эбола привезли из Африки примерно в такой же капсуле.

Это было совсем не то, что Лэнгдону хотелось услышать.

– Что она делает в моем пиджаке? Я преподаю историю искусств – за каким дьяволом мне эта штука?!

В его голове промелькнуло прежнее видение – тела в мучительных корчах, а над ними парит чумная маска...

– Не знаю, откуда она взялась, – сказала Сиена, – но это продукт очень высоких технологий. Титановая, освинцованная. Практически непроницаемая, даже для радиации. Думаю, их изготавливают только по особому заказу правительства. – Рядом с эмблемой биологической угрозы был черный квадратик размером с почтовую марку, и Сиена показала на него. – Сюда надо приложить большой палец. Это защита на случай потери или кражи.

Такую капсулу может открыть лишь один конкретный человек.

Хотя Лэнгдон чувствовал, что сейчас его мозги работают в обычном темпе, ему было трудно осознать то, что он слышит. *Я носил с собой биометрически запечатанный контейнер.*

– Когда я обнаружила у вас в пиджаке эту вещь, я хотела незаметно для других показать ее доктору Маркони, но вы пришли в себя раньше, чем мне удалось остаться с ним наедине. Я думала, не приложить ли к капсуле ваш палец, пока вы без сознания, но я не представляла, что там внутри, и...

– Мой палец?! – Лэнгдон покачал головой. – Думаете, она запрограммирована на меня? Но это исключено! Я абсолютно ничего не понимаю в биохимии и никогда в жизни не стал бы связываться ни с чем подобным.

– Вы уверены?

– Еще бы! – Лэнгдон протянул руку и коснулся черного квадратика большим пальцем. Ничего не произошло. – Видите? Я же говорил...

Титановая трубочка громко щелкнула, и Лэнгдон отдернул руку, точно обжегшись. *Что за дьявольщина!* Он уставился на капсулу так, будто ждал, что она вот-вот развинтится сама и из нее повалит ядовитый газ. Через три секунды она щелкнула снова – очевидно, запорный механизм сработал в обратную сторону.

Не в силах произнести ни слова, Лэнгдон посмотрел на Сиену. Та с взволнованным видом перевела дух.

– Что ж, теперь ясно, что капсула предназначалась для вас.

Вся эта ситуация казалась Лэнгдону до крайности нелепой.

– Чепуха какая-то. Во-первых, как я, по-вашему, пронес эту железку через таможню в аэропорту?

– А если вы прилетели на частном самолете? Или ее дали вам уже здесь, в Италии?

– Сиена, мне надо позвонить в консульство. Срочно.

– А вам не кажется, что сначала лучше ее открыть?

За свою жизнь Лэнгдон совершил немало необдуманных поступков, но открывать контейнер с крайне опасным содержимым на кухне случайной знакомой – это было бы уже чересчур.

– Я передам эту штуку представителям власти. Немедленно.

Сиена поджала губы, обдумывая варианты.

– Хорошо, но как только вы дозвонитесь туда, я выхожу из игры. Мое дело сторона. В любом случае вам нельзя встречаться с ними здесь. Мой иммиграционный статус в Италии... сомнителен.

Лэнгдон посмотрел Сиене прямо в глаза.

– Я знаю одно, Сиена: вы спасли мне жизнь. И я буду выпутываться из этой истории так, как вы считаете нужным.

Она благодарно кивнула, подошла к окну и выглянула на улицу.

– Ладно. Тогда давайте сделаем так...

И она быстро наметила план действий – простой, умный и безопасный.

Лэнгдон ждал, пока она включит на своем мобильнике блокировку распознавания номера и наберет нужные цифры. Ее изящные пальцы двигались легко и целеустремленно.

– *Informazioni abbonati?*^[8] – спросила Сиена с безупречным итальянским произношением. – *Per favore, puo darmi il numero del Consolato americano di Firenze?*^[9]

Она подождала, затем быстро записала телефонный номер.

– Grazie mille^[10], – сказала она и дала отбой. Потом протянула Лэнгдону бумажку с номером и свой мобильник. – Ну вот, действуйте. Помните, что надо сказать?

– Моя память в полном порядке, – с улыбкой ответил он и набрал номер. В трубке раздались гудки.

Кажется, никого.

Он нажал кнопку громкой связи и положил телефон на стол, чтобы Сиене тоже было слышно. Включился автоответчик с общей информацией об услугах консульства и режиме его работы – оказывается, оно открывалось только в половине девятого.

Лэнгдон посмотрел, какое время высвечено на мобильнике. Шесть утра.

– В экстренном случае, – произнес автоматический голос, – наберите две семерки, чтобы связаться с ночным дежурным администратором.

Лэнгдон мгновенно последовал этому совету. На линии вновь послышались гудки. Затем кто-то устало проговорил:

– Consolato americano. Sono il funzionario di turno^[11].

– Lei parla inglese?^[12] – спросил Лэнгдон.

– Конечно, – ответил дежурный с американским акцентом. Похоже, он был не слишком рад, что его разбудили. – Чем могу помочь?

– Я американский гражданин. Приехал во Флоренцию, и на меня напали. Мое имя Роберт Лэнгдон.

– Номер паспорта, пожалуйста. – В трубке раздался отчетливый зевок.

– Мой паспорт пропал. Думаю, его украли. Меня ранили выстрелом в голову. Я был в больнице. Мне нужна помощь.

Вдруг дежурный очнулся.

– Сэр! Вы сказали, *выстрелом*? Еще раз ваше полное имя, пожалуйста!

– Роберт Лэнгдон.

На линии раздалось шуршание, а потом Лэнгдон услышал стук клавиш. Пискнул компьютер. Пауза, потом снова стук – и новый сигнал компьютера, а за ним еще три коротеньких, повыше.

Наступила более долгая пауза.

– Сэр? – повторил дежурный. – Вас зовут Роберт Лэнгдон?

– Да, именно так. И я попал в беду.

– Понял, сэр. Ваше имя помечено специальным флажком – это означает, что я должен немедленно соединить вас с главным администратором генерального консула. – Чиновник помедлил, будто не веря собственным глазам. – Пожалуйста, не вешайте трубку.

– Погодите! Вы можете сказать мне...

Но линию уже переключили. После четырех гудков в трубке раздался хриплый голос:

– Коллинз слушает.

Лэнгдон глубоко вздохнул и произнес, стараясь выговаривать все как можно спокойнее и яснее:

– Мистер Коллинз, меня зовут Роберт Лэнгдон. Я американский гражданин, приехал во Флоренцию по делам. В меня стреляли. Мне нужна помощь. Я хочу сейчас же попасть в консульство Соединенных Штатов. Вы можете мне помочь?

Низкий голос откликнулся без промедления:

– Слава Богу, что вы живы, мистер Лэнгдон! Мы уже с ног сбились.

В консульстве знают, что я здесь?

Эта новость сразу принесла Лэнгдону огромное облегчение. Мистер Коллинз – он представился как главный администратор генерального консула – говорил уверенно, с профессиональным спокойствием, однако в его голосе слышалась нотка настойчивости.

– Мистер Лэнгдон, нам с вами нужно срочно побеседовать. Сами понимаете, не по телефону.

Лэнгдон сейчас вообще мало что понимал, но решил не перебивать.

– Я сию же минуту отправлю за вами кого-нибудь из наших, – продолжал Коллинз. – Где вы находитесь?

Сиена, следившая за их разговором по громкой связи, заметно насторожилась. Лэнгдон ободряюще кивнул ей – он был намерен строго придерживаться ее плана.

– Я в маленьком отеле. Он называется «Пенсione ла Фиорентина», – ответил Лэнгдон, взглянув в окно на захудалый отель напротив, который только что показала ему Сиена. Затем он продиктовал Коллинзу адрес.

– Понял, – откликнулся тот. – Никуда не уходите. Оставайтесь в своей комнате. Скоро за вами приедут. Какой у вас номер?

Лэнгдон сказал первое, что пришло в голову:

– Тридцать девять.

– Хорошо. Дайте нам двадцать минут. – Коллинз понизил голос. – И еще, мистер Лэнгдон... я понимаю, что вы ранены и, наверное, сбиты с толку, но мне надо знать... это все еще у вас?

Это. Хотя вопрос прозвучал загадочно, Лэнгдон в то же мгновение сообразил, о чем идет речь. Его взгляд скользнул к биокапсуле на кухонном столе.

– Да, сэр. У меня.

Он услышал, как Коллинз с шумом перевел дух.

– Когда вы пропали, мы решили... честно говоря, мы уже предполагали худшее. У меня прямо камень с души упал. Итак, будьте на месте. Ждите. Двадцать минут – и к вам в дверь постучатся наши люди.

Коллинз повесил трубку.

Лэнгдон расслабился в первый раз после того, как очнулся в больнице. *В консульстве знают, что происходит, и скоро мне все объяснят.* Он закрыл глаза и медленно вздохнул, снова ощущая себя человеком. Его головная боль почти утихла.

– Прямо как в шпионском детективе, – полушутя сказала Сиена. – Вы, часом, не тайный агент?

Пока что Лэнгдон плохо представлял себе, кто он такой. Полностью потерять память о двух последних днях и оказаться в необъяснимой ситуации... в это трудно было поверить, однако вот вам, пожалуйста, – всего двадцать минут отделяли его от встречи с официальным представителем консульства США в убогой итальянской гостинице.

Что же все-таки происходит?

Он взглянул на Сиену, понимая, что вскоре их пути разойдутся, но чувствуя, что между ними еще осталось что-то недоговоренное. Ему вспомнился бородатый врач, умирающий на полу больничной палаты прямо у них на глазах.

– Сиена... – прошептал он. – Ваш друг, доктор Маркони... это ужасно.

Она вяло кивнула.

– Мне страшно жаль, что я вас в это втянул. Я знаю, что ваше положение в больнице и так достаточно шатко, а если будет расследование... – Он не закончил фразу.

– Ничего, – сказала она. – Я привыкла переезжать с места на место.

По отстраненному выражению в глазах Сиены Лэнгдон догадался, что этим утром все для нее круто изменилось. В жизни самого Лэнгдона тоже наступила полная неразбериха, однако в его душе невольно шевельнулось сочувствие к этой женщине.

Она спасла мне жизнь... а я ей погубил.

Они просидели молча целую минуту – воздух между ними наэлектризовался, словно обоим хотелось заговорить, но было нечего сказать. В конце концов, они ведь были чужие друг другу – они всего лишь проделали вместе короткий и странный путь, а теперь достигли развилки, откуда каждому предстояло идти в свою сторону.

– Сиена, – наконец нарушил тишину Лэнгдон. – Когда мы с консульством во всем разберемся... если я могу вам чем-нибудь помочь... пожалуйста, скажите.

– Спасибо, – прошептала она и отвела к окну грустный взгляд.

Минута пробежала за минутой, а Сиена Брукс рассеянно смотрела в кухонное окно и размышляла о том, куда заведет ее сегодняшний день. Каким бы ни оказалось это место, она не сомневалась, что в конце дня ее мир будет выглядеть совсем иначе.

Она понимала, что это может объясняться просто действием адреналина, но ее почему-то тянуло к этому американскому профессору. Похоже, что вдобавок к обаятельной внешности у него было на редкость доброе сердце. В какой-нибудь другой, параллельной жизни у них с Робертом Лэнгдоном даже могли бы сложиться близкие отношения...

Зачем ему такая, подумала она. Ведь я ущербна.

Едва она подавила этот внезапный всплеск эмоций, как ее внимание привлекло что-то за окном. Она вскочила на ноги и прижалась лицом к стеклу.

– Роберт! Смотрите!

Выглянув наружу, Лэнгдон увидел черный глянцевый мотоцикл «БМВ», который только что остановился перед отелем «Пенсione ла Фиорентина». Мотоциклист был крепок и худощав, в шлеме и черной коже. Он ловко соскочил с седла и снял с головы блестящий черный шлем – и тут Сиена заметила, что Лэнгдон рядом с ней затаил дыхание.

Эти скрученные в шипы волосы... ошибиться было нельзя.

Женщина вынула уже знакомый им пистолет, проверила глушитель и спрятала оружие обратно во внутренний карман куртки. Потом с убийственной грацией скользнула в отель.

– Роберт! – прошептала Сиена сдавленным от страха голосом. – Правительство США только что отдало распоряжение вас убить.

Стоя у окна и не спуская глаз с отеля напротив, Роберт Лэнгдон старался унять панику. Туда только что вошла мотоциклистка с шипами на голове, но Лэнгдон решительно не понимал, как она раздобыла адрес.

По его жилам снова разливался адреналин, мешая ему ясно соображать.

– Мое собственное правительство распорядилось меня убить?

Сиена была изумлена не меньше.

– Роберт... Это значит, что первоначальное покушение на вас в больнице тоже было санкционировано вашим правительством. – Она встала и еще раз проверила замок на двери в квартиру. – Если консульству Соединенных Штатов дали указание вас убить, то... – Она не закончила фразу, но в этом и не было нужды. Оба и так понимали, какие чудовищные выводы из этого напрашиваются.

Что я натворил? Почему за мной охотится мое собственное правительство?!

И снова в мозгу Лэнгдона зазвучало слово, которое он бормотал, когда появился в больнице.

Зарево... зарево... зарево.

– Вам опасно здесь оставаться, – сказала Сиена. – Вернее, *нам*. – Она махнула рукой в сторону окна. – Та киллерша видела, как мы вместе убегали из больницы, и бьюсь об заклад, что ваше правительство и полиция уже пытаются меня выследить. Эту квартиру сняли не на мое имя, но рано или поздно они меня найдут. – Она переключила внимание на биокапсулу, которая так и лежала на столе. – Вы должны открыть ее. Сейчас же!

Лэнгдон вперился глазами в титановую трубочку, не видя ничего, кроме значка биологической угрозы.

– Что бы ни было спрятано внутри, – продолжала Сиена, – там может оказаться идентификационный код, или логотип агентства, или телефонный номер – хоть что-нибудь. Вам нужна информация, и мне тоже. На вашем правительстве лежит вина за гибель моего друга!

Боль в голосе Сиены заставила Лэнгдона вынырнуть из раздумий, и он кивнул, признавая ее правоту.

– Да... мне очень жаль. – Лэнгдон скривился, понимая, как убого это звучит. Затем повернулся к контейнеру на столе, гадая, какие ответы могут скрываться внутри. – Открывать эту штуку очень опасно.

Сиена ненадолго задумалась.

– То, что туда положили, наверняка хорошо защищено. Скорее всего оно в небьющейся плексигласовой пробирке. А эта биокапсула – просто внешний корпус, который обеспечивает дополнительную защиту при транспортировке.

Лэнгдон посмотрел в окно на черный мотоцикл перед отелем. Их преследовательница еще не вышла оттуда, но скоро она обнаружит, что Лэнгдона там нет. Интересно, каким будет ее следующий шаг... и много ли пройдет времени, прежде чем она начнет ломиться к ним в квартиру?

И Лэнгдон решился. Он взял титановую трубку и нехотя приложил большой палец к биометрическому датчику. Через несколько секунд капсула запищала, а потом громко щелкнула.

Прежде чем она успела замкнуться снова, Лэнгдон повернул две ее половинки в противоположных направлениях. Через четверть полного оборота капсула пискнула во второй раз, и Лэнгдон понял, что путь назад отрезан.

Вспотевшими руками он продолжал развинчивать трубку. Две половинки гладко вращались по идеально выверенной резьбе. Лэнгдон словно разбирал дорогую русскую матрешку – правда, он понятия не имел, что скрывается в ее утробе.

После пяти оборотов половинки разъединились. Набрав в грудь воздуха, Лэнгдон стал осторожно раздвигать их. Щель между ними ширилась; вскоре обнажилась пенопластовая начинка. Лэнгдон опустил ее на стол. Это была трубочка из пенопласта, слегка напоминающая игрушечный мячик для американского футбола.

Пока ничего страшного.

Лэнгдон аккуратно раскрыл пенопластовый футляр, и они наконец увидели основное содержимое капсулы. Сиена склонила голову набок. На ее лице было написано удивление.

– Ну и ну, – пробормотала она.

Лэнгдон ожидал, что внутри окажется какой-нибудь сосуд ультрасовременного вида, но предмет из биокапсулы никак не подходил под это определение. Размером с обычный шоколадный батончик, он был сделан из материала, похожего на слоновую кость, и покрыт изящной резьбой.

– Как будто старинный, – прошептала Сиена. – Может быть, это...

– Цилиндрическая печать, – сказал Лэнгдон, наконец-то вздохнув свободнее.

Изобретенные шумерами в середине четвертого тысячелетия до нашей эры, цилиндрические печати работали по принципу, известному в современной полиграфии как «интаглио». Каждая такая печать украшалась декоративными изображениями и имела продольное осевое отверстие, куда вставлялась специальная палочка. Благодаря этому ее можно было прокатывать по влажной глине, как современный малярный валик, в результате чего на мягком материале оставались повторяющиеся оттиски из символов, картинок или текстов.

Печать, которую Лэнгдон держал в руках, выглядела чрезвычайно древней и ценной, однако он совершенно не понимал, зачем кому-то понадобилось запирать ее в титановой капсуле, словно биологическое оружие.

Бережно поворачивая печать и рассматривая ее со всех сторон, Лэнгдон увидел, что на ней вырезано на редкость жуткое изображение – рогатый Дьявол с тремя головами пожирает одновременно троих человек, по одному на каждую пасть.

Очень мило.

Лэнгдон перевел взгляд на семь букв под картинкой. Как любой текст для оттиска, они были нанесены на поверхность костяного валика в зеркальном отображении, но Лэнгдон без труда прочел выведенное изящным почерком слово: SALIGIA.

Сиена прищурилась, разбирая надпись.

– Saligia?

Когда она произнесла это слово вслух, по спине у Лэнгдона пробежал холодок.

– Да, – кивнул он. – Это латинский акроним, придуманный ватиканскими священниками в Средние века, чтобы напоминать христианам о семи смертных грехах. Он состоит из начальных букв их латинских названий: *superbia, avaritia, luxuria, invidia, gula, ira* и *acedia*.

Сиена нахмурилась.

– Гордыня, алчность, похоть, зависть, чревоугодие, гнев и лень.

Этого Лэнгдон от нее не ожидал.

– Вы знаете латынь!

– Меня воспитывали католичкой. Уж я-то знаю, что такое грех.

Выдавив из себя улыбку, Лэнгдон снова переключился на печать. *Почему ее заперли в биокапсуле? Какую опасность она может в себе таить?*

– Я думала, это слоновая кость, – сказала Сиена. – Но нет, она сделана из обычной. – Она подвинула печать так, чтобы на нее падал солнечный свет, и указала на трещинки, покрывающие ее поверхность. – На слоновой кости образуется сеточка из полупрозрачных прожилок, а на обычной – узор из параллельных полосок с темными рябинками.

Лэнгдон бережно поднял печать и внимательно изучил рисунок на ней. На подлинных шумерских печатях вырезались примитивные фигурки и клинописные значки. Здесь же резьба была гораздо сложнее – средневековая, как предположил Лэнгдон. Вдобавок в этой картинке просматривалась тревожная связь с его галлюцинациями.

Сиена наблюдала за ним с заметным волнением.

– Ну что?

– Известный сюжет, – мрачно сказал Лэнгдон. – Видите, Дьявол с тремя головами пожирает людей? Это обычный для Средневековья образ – картина, которая ассоциировалась с Черной Смертью. Три ненасытные пасти терзают своих жертв так же свирепо, как чума расправлялась с европейским населением.

Сиена с опаской посмотрела на эмблему биологической угрозы.

Лэнгдону очень не нравилось, что тема чумы всплывает сегодня утром как-то уж чересчур часто, поэтому он признал ее очередное появление с явной неохотой.

– *Saligia* означает коллективные грехи всего человечества... которые, согласно средневековому религиозному учению...

– ...и привели к тому, что Господь покарал мир Черной Смертью, – закончила его мысль Сиена.

– Да. – Лэнгдон помедлил, на мгновение потеряв нить своих рассуждений. Он только что заметил одну особенность костяного цилиндрика, показавшуюся ему странной. Сквозь обычную цилиндрическую печать можно было посмотреть, как в подзорную трубу, но в этом случае у него ничего не получилось. *В этот цилиндр что-то вставлено. Торец печати блеснул под упавшим на него лучом света.*

– Там что-то есть, – сказал Лэнгдон. – Как будто стекло. – Он перевернул цилиндр, чтобы взглянуть на другой его конец, и услышал, как по всей его длине что-то прокатилось, точно внутри был спрятан шарик.

Лэнгдон замер и услышал, как Сиена рядом тихонько ахнула.

Что это было, черт возьми?!

– Вы слышали этот звук? – прошептала Сиена.

Лэнгдон кивнул и осторожно заглянул в торец цилиндра.

– Отверстие закрыто... похоже, чем-то металлическим. *Может быть, это крышечка пробирки?*

Сиена отшатнулась.

– Мы, случайно... ничего не разбили?

– Нет, вряд ли.

Он аккуратно наклонил печать еще раз, чтобы снова проверить стеклянный конец, и

внутри опять что-то перекачилось. Через секунду со стеклышком в торце цилиндра произошло нечто совершенно неожиданное.

Оно слабо засветилось.

Глаза Сиены расширились от ужаса.

– Стойте, Роберт! Не шевелитесь!

Лэнгдон застыл в абсолютной неподвижности, держа цилиндрик на весу и стараясь, чтобы он даже не шелохнулся. Без сомнения, стеклышко в торце испускало свет... словно они потревожили что-то внутри.

Однако этот свет очень быстро снова померк.

Взволнованно дыша, Сиена шагнула ближе. Она наклонилась над костяной трубочкой и пристально всмотрелась в темный стеклянный кружок.

– Поверните опять, – прошептала она. – Только медленно.

Лэнгдон бережно перевернул трубочку вверх ногами. Маленький предмет внутри ее снова прокатился из конца в конец и остановился.

– Давайте еще, – попросила она. – Осторожно.

Лэнгдон выполнил ее просьбу, и они опять услышали тот же характерный звук. Однако на этот раз стеклышко опять еле заметно засветилось и через миг погасло.

– Очевидно, это пробирка, – заявила Сиена. – А внутри шарик для взбалтывания.

Лэнгдон знал, что в баллончики-распылители с краской действительно иногда кладут шарики: если такой баллончик встряхнуть, его содержимое лучше перемешивается.

– Возможно, там какое-то фосфоресцирующее химическое соединение, – продолжала Сиена, – или биолюминесцентный организм, который светится, когда его стимулируют.

У Лэнгдона были другие идеи. Хотя ему доводилось пользоваться химическими фонарями и даже наблюдать свечение био-люминесцентного планктона во взбаламученной судном воде, он был почти уверен, что цилиндрик в его руке не имеет к этим феноменам никакого отношения. Он легонько повернул трубочку еще несколько раз, а когда она снова разгорелась, направил ее светящийся кончик на свою ладонь. Как он и ожидал, на его коже появился слабый красноватый отблеск.

Приятно убедиться, что даже люди с IQ за двести иногда ошибаются.

– Смотрите, – сказал Лэнгдон и принялся энергично трясти трубочку. Предмет внутри гремел, катаясь все быстрее и быстрее.

Сиена отскочила назад.

– Что вы делаете?!

Продолжая трясти трубочку, Лэнгдон подошел к выключателю и нажал его. Кухня погрузилась в относительную темноту.

– Нет там никакой пробирки, – сказал он, по-прежнему тряся трубочку изо всех сил. – Это Фарадеева указка.

Один из учеников Лэнгдона как-то подарил ему подобную штучку – лазерную указку для преподавателей, которым не нравится постоянно менять батарейки и не жалко несколько раз встряхнуть устройство, чтобы преобразовать свою собственную кинетическую энергию в необходимую порцию электричества. Когда такую указку приводят в движение, металлический шарик внутри ее скользит туда-сюда по ряду маленьких лопастей и заряжает крошечный генератор. Очевидно, кто-то решил засунуть Фарадееву указку в пустую костяную трубку, украшенную резьбой, – иначе говоря, одеть в древний панцирь современную электрическую игрушку.

Кончик указки в руке Лэнгдона уже разгорелся как следует, и он невесело ухмыльнулся Сиене:

– Кино начинается!

Он направил указку в костяном футляре на голый участок кухонной стены. Когда стена осветилась, Сиена тихонько ахнула. Однако самого Лэнгдона увиденное изумило еще больше – настолько, что он невольно отпрянул.

На стене появилась не маленькая красная точка, след лазерного луча, а четкая фотография с высоким разрешением, как будто у Лэнгдона в руках была не костяная трубочка, а старомодный диапроектор.

Господи Боже! Лэнгдон рассматривал жуткую сцену, возникшую на стене перед его глазами, и по спине у него ползли мурашки. *Неудивительно, что мне мерещились горы трупов!*

Рядом с ним Сиена прикрыла рот ладонью и заворуженно шагнула вперед.

Костяная трубка воспроизвела на стене перед ними написанную маслом картину человеческих страданий – тысячи душ, которые подвергались ужасным пыткам на разных уровнях ада. Преисподняя была изображена в вертикальном разрезе как гигантская воронкообразная яма, уходящая в недра земли на неизмеримую глубину. Эта адская яма делилась на круговые террасы – чем глубже, тем страшнее, – и на этих нисходящих уровнях мучились грешники всех мыслимых разновидностей.

Лэнгдон мгновенно узнал эту картину.

Возникший перед ним шедевр, «La Mappa dell’Inferno», был написан одним из колоссов итальянского Возрождения – Сандро Боттичелли. Этот подробный, изобилующий деталями план преисподней – «Карта ада» – являл собой одно из самых устрашающих изображений загробной жизни, когда-либо созданных человеком. Даже в наши дни людей не могла не поражать эта мрачная картина с ее жуткими образами. При сотворении «Карты ада» автор ярких и жизнерадостных «Веснь» и «Рождения Венеры» ограничился суровой палитрой из оттенков красного, коричневого и сепии.

Свирепая головная боль Лэнгдона внезапно возобновилась, но впервые после пробуждения в незнакомой больнице он почувствовал, что хотя бы один кусочек головоломки встал на свое место. Очевидно, его дикие галлюцинации были вызваны лицезрением этой знаменитой картины.

Должно быть, я долго разглядывал «Карту ада» Боттичелли, подумал он. Но зачем мне это понадобилось?

Хотя картина была угнетающей сама по себе, еще большую тревогу вызывало у Лэнгдона ее происхождение. Он прекрасно знал, что запечатленные на ней зловещие сцены порождены не фантазией самого Боттичелли... а воображением другого гения, жившего за две сотни лет до него.

Одно великое произведение искусства породило другое.

На создание «Карты ада» Боттичелли вдохновил поэтический шедевр четырнадцатого века – одно из самых прославленных литературных сочинений... грозное и величественное видение, которое и поныне не потеряло способности глубоко волновать людские души.

«Ад» Данте.

А на противоположной стороне улицы Вайента тихо поднялась по служебной лестнице и осторожно выбралась на плоскую крышу маленького сонного «Пенсione ла Фиорентина». Лэнгдон назначил сотруднику консульства свидание в несуществующем номере – как это называлось в ее ремесле, «зеркальную встречу». Это была обычная уловка тайных агентов –

благодаря ей они могли оценить ситуацию, не выдавая своего подлинного местонахождения. При этом фальшивое, или «зеркальное», место встречи неизменно выбиралось так, чтобы его было хорошо видно оттуда, где агент находился на самом деле.

Вайента отыскала на крыше скрытую точку обзора, из которой хорошо просматривались все окрестности. Вскоре ее пыливый взгляд остановился на многоквартирном доме напротив.

Ваш ход, мистер Лэнгдон.

В этот же момент на борту «Мендация» шеф ступил на палубу из красного дерева и вдохнул полной грудью, наслаждаясь солоноватым воздухом Адриатики. Это судно служило ему домом уже не один год, но теперь цепочка неожиданных событий во Флоренции угрожала разрушить все, что он построил.

Вайента, его лучший оперативный агент, поставила под удар всю его империю, и хотя после выполнения задания ей предстояло отвечать за свою халатность, пока что шеф еще нуждался в ее услугах.

Очень советую ей поскорее расхлебать эту кашу.

Услышав чьи-то быстрые шаги, шеф обернулся и увидел, что к нему спешит его сотрудница, одна из аналитиков.

– Сэр! – запыхавшись, выпалила она. – К нам поступила новая информация. – Ее голос звенел в утреннем воздухе с необычным напором. – Похоже, Роберт Лэнгдон только что зашел на свою гарвардскую почту с незамаскированного IP-адреса. – Она помедлила, глядя шефу прямо в глаза. – Благодаря этому мы установили точное местонахождение объекта.

Шеф поразился тому, что Лэнгдон проявил такую неосторожность. *Это совершенно меняет дело.* Он задумчиво сложил пальцы домиком и устремил взгляд на побережье.

– Вам известно, где сейчас люди из ПНР?

– Да, сэр. Меньше чем в трех километрах от места, где находится Лэнгдон.

Шефу понадобились считанные секунды, чтобы принять решение.

– Inferno di Dante^[13], – прошептала Сиена, машинально придвигаясь поближе к жуткому изображению преисподней на стене кухни.

Дантово представление об аде, подумал Лэнгдон, *воплощенное с изумительной наглядностью.*

Признанный одним из самых гениальных литературных шедевров, «Ад» был первой из трех книг в составе «Божественной комедии» Данте Алигьери – эпической поэмы из 14 233 строк, в которой рассказывалось, как автор спустился в мрачную преисподнюю, прошел через чистилище и наконец поднялся в рай. Из трех частей «Комедии» – «Ада», «Чистилища» и «Рая» – в мире больше всего читали и лучше всего знали именно первую, чье название звучало по-итальянски как «Инферно».

Созданный Данте в начале 1300-х годов, «Ад» буквально перевернул все средневековые представления о посмертных карах. Никогда прежде адские муки не овладевали помыслами такого количества людей. Творение Данте одним махом превратило абстрактную идею ада в яркую и устрашающую картину – зримую, осязаемую и незабываемую. Неудивительно, что после обнародования поэмы в католические церкви потоком хлынули перепуганные грешники, ищущие спасения от той участи, которой грозил им новый образ подземного мира.

Боттичелли изобразил Дантов ад в виде глубокой воронки, где мучились проклятые души, – в виде гигантской подземной каверны с пламенем, серой, нечистотами, чудовищами и грозным Сатаной, поджидающим свои жертвы в самом низу. Эта яма имела девять четко определенных уровней – девять кругов ада, – и грешники распределялись по ним в соответствии с тяжестью своих грехов. Верхнюю часть населяли сладострастники, или те, «кто предал разум власти вожделений», – их без конца носило туда-сюда бушующим ветром, символом их неспособности укротить свои желания. Под ними находились чревоугодники – они лежали лицом вниз в нечистотах, отходах своей неумеренности. Еще ниже располагались еретики, обреченные на вечные муки в раскаленных гробах. Так оно и шло... чем дальше, тем ужаснее.

За семь веков, протекших после ее создания, эта грандиозная картина Дантова ада вдохновляла многих величайших творцов в истории – они восхищались ею, переводили итальянский оригинал на другие языки и сочиняли вариации на его тему. Лонгфелло, Чосер, Маркс, Мильтон, Бальзак, Борхес и даже несколько римских пап – все они написали произведения, основанные на дантовском «Аде». Монтеверди, Лист, Вагнер, Чайковский и Пуччини положили этот шедевр в основу своих музыкальных сочинений, а если говорить о нашем времени, то же самое сделала одна из любимых исполнительниц Лэнгдона – Лорина Маккеннитт. Даже создатели современных видеоигр и приложений для айпада, и те без устали эксплуатировали наследие Данте.

Стремясь приобщить своих студентов к миру Данте, до предела насыщенному яркими и запоминающимися символами, Лэнгдон иногда читал специальный курс лекций о созданных гениальным итальянцем образах, которые на протяжении веков не раз встречались во вдохновленных им сочинениях.

– Роберт! – воскликнула Сиена, придвигаясь поближе к проекции на стене. – Вы только посмотрите сюда! – И она показала на место в нижней части воронкообразного ада.

Область, на которую она показывала, называлась «Злые Щели». Этот предпоследний,

восьмой круг ада был разделен на десять ровов – каждый для обманщиков определенного типа.

Сиена заговорила еще более взволнованно:

– Смотрите! Разве не это вы видели в своих галлюцинациях?

Лэнгдон прищурился, вглядываясь туда, куда указывала Сиена, но не мог ничего разобрать. Крошечный проектор почти израсходовал весь свой запас энергии, и изображение стало гаснуть. Лэнгдон снова принялся трясти костяную трубочку, а когда стеклянный глазок как следует разгорелся, аккуратно пристроил ее на угол стола у другой стены маленькой кухни, так что изображение стало еще крупнее. Потом он подошел к Сиене и, отступив чуть в сторону от луча, стал разглядывать светящуюся карту.

Сиена опять указала на восьмой круг ада.

– Вот здесь! Разве вы не говорили, что видели торчащие из земли ноги с буквой «R»? – Она коснулась стены. – Уж не эти ли?

Лэнгдон много раз изучал эту картину, и для него не было новостью, что десятая из Злых Щелей полна грешников, закопанных по пояс вниз головой. Но вот странно – в *этой* ее версии на одной паре торчащих из-под земли ног действительно была выведена грязью буква «R», в точности как в его бреде.

Боже мой! Лэнгдон еще пристальнее вгляделся в крошечную деталь.

– Эта буква... Я абсолютно уверен, что на оригинале Боттичелли ее нет!

– А вот еще, – сказала Сиена.

Переведя глаза вслед за ее пальцем на предыдущий ров в том же кругу ада, Лэнгдон увидел, что на лжепророке со свернутой шеей нацарапана буква «E».

Что за чудеса? Картину кто-то изменил!

Теперь он заметил, что буквы нарисованы на грешниках в каждом из десяти ровов. Он увидел «C» на соблазнителе, которого бесы стегали кнутами... еще одно «R» на воре, которого жалили змеи... «A» на мздоимце, погруженном в озеро кипящей смолы.

– Ни одной из этих букв на оригинале не было, – твердо заявил Лэнгдон. – В эту копию внесли изменения – думаю, с помощью цифрового монтажа.

Он вернулся взглядом к самой верхней из Злых Щелей и начал читать буквы подряд, сверху вниз.

C...A...T...R...O...V.A...C...E...R

– Catrovacer, – сказал Лэнгдон. – Это по-итальянски?

Сиена покачала головой:

– И не по-латыни. Не понимаю, на каком языке.

– А может... подпись?

– Catrovacer? – с сомнением повторила Сиена. – Что-то не похоже на имя. Но посмотрите сюда. – И она ткнула пальцем в одну из множества фигур в третьей из Злых Щелей.

Когда Лэнгдон увидел, на кого она указывает, в животе у него похолодело. Среди грешников, теснящихся в третьем рву, выделялся классический персонаж Средневековья – закутанный в плащ человек в маске с длинным птичьим клювом и мертвыми глазами.

Чумная маска.

– Есть ли чумной доктор на оригинале Боттичелли? – спросила Сиена.

– Совершенно точно нет. Эту фигуру добавили.

– И еще одно. Подписывал ли Боттичелли свою картину?

Этого Лэнгдон не помнил, но, взглянув на нижний правый угол изображения, где полагалось быть подписи, он сообразил, почему она спрашивает. Подписи там не было, но зато вдоль темно-коричневой границы «Карты ада» тянулась выведенная крошечными печатными буквами строка: «*la verità é visibile solo attraverso gli occhi della morte*».

Лэнгдон достаточно хорошо знал итальянский, чтобы уловить смысл.

– «Истину можно увидеть только глазами смерти?»

Сиена кивнула.

– Странно.

Они замолчали, стоя бок о бок и глядя, как зловещая картина перед ними потихоньку тускнеет. Дантов «Ад», подумал Лэнгдон. *С 1330 года он вдохновлял художников на мрачные пророчества.*

В лекциях, посвященных Данте, Лэнгдон рассказывал о целом ряде блестящих произведений искусства, созданных по мотивам его «Ада». Помимо прославленной картины Боттичелли, были еще бессмертная роденовская скульптура «Три тени» из «Врат ада»... иллюстрация Страдануса, где челн Флегия пересекает Стигийское болото с тонущими в нем грешниками... сладострастники Уильяма Блейка, гонимые вечным вихрем... полное странного эротизма видение Бугеро, где Данте и Вергилий наблюдают за двумя обнаженными борцами... грешные души Байроса, съезжившиеся под градом раскаленных камней и огненных капель... серия причудливых гравюр на дереве и акварелей Сальвадора Дали... и, наконец, огромная коллекция гравюр Доре, где было изображено все, от ведущего в ад туннеля до самого крылатого Сатаны.

Теперь оказалось, что Дантов поэтический образ ада повлиял не только на заслуженно почитаемых человечеством художников. Складывалось впечатление, что он вдохновил еще одну личность – неизвестного с извращенной психикой, который изменил знаменитую картину Боттичелли с помощью цифровых методов, добавив в нее десяток букв, чумного доктора и зловещую фразу о том, что истину можно увидеть лишь глазами смерти. Затем этот художник сохранил полученное изображение в проекторе новейшего типа и спрятал его в причудливый резной футляр.

Лэнгдон не представлял себе, кто мог создать такой артефакт, однако в настоящий момент этот вопрос выглядел второстепенным по сравнению с другим, беспокоившим его гораздо больше.

Почему, черт побери, эта штука оказалась у меня в кармане?

Стоя на кухне рядом с Лэнгдоном и размышляя, что делать дальше, Сиена неожиданно услышала рев мощного двигателя. Затем отрывисто проскрежетали по асфальту покрышки и захлопали дверцы.

Озадаченная, Сиена поспешила к окну и выглянула на улицу.

Перед ее домом только что затормозил черный фургон без опознавательных знаков. Из него высыпалась вереница людей, одетых в черную форму с круглой зеленой нашивкой на левом плече. Они сжимали в руках автоматические винтовки и двигались с неумолимостью запрограммированной боевой машины. Четверо из них сразу же кинулись ко входу в дом.

У Сиены кровь застыла в жилах.

– Роберт! – крикнула она. – Не знаю, кто это, но они нас нашли!

Внизу, на улице, агент Кристоф Брюдер выкрикивал команды своим бросившимся в дом

подчиненным. Армейское прошлое приучило этого крепко сбитого человека бесстрастно выполнять свой долг и уважать вышестоящее начальство. Он знал свою задачу и знал, насколько высоки ставки.

Организация, в которой он работал, имела много подразделений, но подразделение Брюдера – оно называлось Службой поддержки по надзору и реагированию, или просто ПНР, – начинало действовать только тогда, когда ситуация становилась критической.

Когда его люди один за другим исчезли в подъезде, Брюдер встал в дверях, вынул рацию и связался со своим руководителем.

– Это Брюдер, – сказал он. – Нам удалось выследить Лэнгдона по компьютерному IP-адресу. Группа приступила к операции захвата. Я сообщу, когда мы его возьмем.

Высоко над мостовой, на плоской крыше «Пенсione ла Фиорентина», Вайента в ужасе, не веря своим глазам, наблюдала за тем, как агенты врываются в здание напротив отеля.

Какого черта они тут делают?!

Она провела рукой по своим шипам, внезапно осознав, какие кошмарные последствия может иметь ее вчерашняя неудача. Стоило какому-то голубю проворковать не вовремя, как все полетело кувырком. То, что поначалу казалось самым рядовым заданием... вдруг превратилось в настоящий кошмар.

Если уж ПНР здесь, тогда для меня все кончено.

Вайента в отчаянии выхватила телефон и позвонила шефу.

– Сэр! – крикнула она, заикаясь от волнения. – Сюда прибыла ПНР! Люди Брюдера наводнили здание напротив!

Она ждала ответа, но слышала только резкие щелчки на линии. Затем электронный голос спокойно объявил: «Процедура отстранения начата».

Вайента опустила телефон как раз в тот момент, когда на экране появилось сообщение, что связь прервана. Щеки у нее похолодели, но она заставила себя принять случившееся. Консорциум только что разорвал с ней всякие отношения.

Никаких связей. Никаких следов.

Меня отстранили.

Потрясение длилось лишь один миг.

Затем его сменил страх.

Скорее, Роберт! – торопила Сиена. – За мной!

Когда Лэнгдон выскочил из квартиры в общий коридор, его мысли все еще были заняты мрачными образами дантовской преисподней. До этой секунды Сиена переносила выпавшие на их долю испытания с каким-то отрешенным спокойствием, но теперь в ее голосе звенело напряжение, говорящее о том, что и она может испугаться по-настоящему.

В коридоре Сиена бросилась прямо вперед, мимо лифта, который уже спускался, – очевидно, его вызвали те, кто только что ворвался в вестибюль. Добежав до конца коридора и даже не оглянувшись, она скрылась на лестнице.

Лэнгдон мчался за ней по пятам, скользя на гладких подошвах позаимствованных у соседа туфель. Крошечный проектор в нагрудном кармане пиджака от Бриони подпрыгивал, стуча его по груди. В голове по-прежнему крутились странные буквы из восьмого круга ада: SATROVACER. Он вспомнил чумную маску и загадочную подпись: *истину можно увидеть только глазами смерти.*

Лэнгдон пытался связать эти разнородные факты воедино, но пока ничего путного на ум не приходило. Когда он наконец выскочил на лестничную площадку, Сиена стояла там, настороженно прислушиваясь. Снизу доносился отчетливый топот.

– Есть другой выход? – прошептал Лэнгдон.

– Пошли, – отрывисто бросила она.

Сегодня Сиена уже однажды спасла Лэнгдону жизнь, и теперь ему ничего не оставалось, кроме как довериться ей снова. Переведя дух, он побежал за ней вниз по ступеням.

Они спустились на один этаж, и топот под ними стал гораздо ближе – теперь их отделяли от людей в черной форме всего три-четыре лестничных марша.

Почему она бежит прямо на них?

Прежде чем Лэнгдон успел возразить, Сиена схватила его за руку и вытащила с лестницы в длинный пустой коридор между двумя рядами запертых дверей.

Здесь же негде спрятаться!

Сиена щелкнула выключателем, и несколько лампочек погасли, но это мало что давало: беглецов было прекрасно видно и при слабом естественном освещении. Шаги грохотали уже совсем близко, и Лэнгдон понимал, что их преследователи вот-вот появятся на площадке, откуда хорошо просматривался весь коридор.

– Мне нужен ваш пиджак, – прошептала Сиена, срывая с Лэнгдона этот предмет одежды. Потом она заставила его присесть за собой на корточки в небольшой нише перед запертой дверью. – Сидите тихо!

Что она делает? Она же на самом виду!

На лестнице появились люди в форме – они бежали вверх, но остановились, увидев Сиену в полутемном коридоре.

– Per l'amore di Dio! – пронзительно завопила на них Сиена. – Cos'è questa confusione? – *Бога ради! Почему вы так шумите?*

Двое бежавших прищурились, явно не понимая, кто к ним обращается. А Сиена продолжала злобно кричать:

– Tanto chiasso a quest'ora! – *Столько шуму в такой час!*

Только сейчас Лэнгдон заметил, что Сиена накинула его черный пиджак себе на голову

и плечи, как старушечью шаль. Она сторбилась, встав так, чтобы прикрыть собой скрючившегося в тени Лэнгдона, и шагнула к ним на дрожащих ногах, продолжая вопить, точно выжившая из ума старуха.

Один из агентов поднял руку, показывая, что ей надо вернуться в квартиру:

– Signora! Rientri subito in casa!

Сиена сделала еще один неуверенный шаг и сердито потрясла кулаком:

– Avete svegliato mio marito, che è malato!

Лэнгдон слушал ее в изумлении. *Они потревожили ее больного мужа?*

Другой агент, в свою очередь, поднял винтовку и навел ее на Сиену.

– Fermi o sparo! – *Стой, или буду стрелять!*

Сиена остановилась, а потом заковыляла назад, кляня их на чем свет стоит.

Агенты бросились дальше по лестнице и скрылись из виду.

Конечно, не шекспировская постановка, подумал Лэнгдон, но впечатляет. Похоже, театральное прошлое может очень пригодиться в жизни.

Сняв с головы пиджак, Сиена швырнула его обратно Лэнгдону.

– Ладно, идемте.

На этот раз он послушался без промедления.

Они спустились на площадку над вестибюлем и увидели внизу еще двоих агентов, которые как раз заходили в лифт, чтобы ехать наверх. Снаружи, на улице, дежурил у фургона еще один – черная форма плотно обтягивала его мускулистую фигуру. Не обменявшись ни словом, Сиена с Лэнгдоном поспешили дальше, на цокольный этаж.

На подземной стоянке было темно и воняло мочой. Сиена рысцой промчалась в угол, забитый мотоциклами и мотороллерами. Она остановилась у серебристого трайка – трехколесного мопеда, который выглядел как неуклюжий отпрыск итальянской «веспы» и взрослого трехколесного велосипеда. Сунув свою изящную руку под переднее крыло, она вынула оттуда маленький магнитный футлярчик. Внутри оказался ключ; она вставила его в зажигание и запустила двигатель.

Через несколько секунд Лэнгдон уже сидел на мопеде за ее спиной. Кое-как угнездившись на маленьком седле, он принялся шарить руками по сторонам, ища, за что бы ухватиться.

– Сейчас не до приличий, – сказала Сиена, хватая его за руки и кладя их на свою стройную талию. – Держитесь крепче!

Лэнгдон последовал ее совету – и вовремя, потому что трайк буквально взлетел по пандусу. Его мотор оказался мощнее, чем думал Лэнгдон, и, выскочив из гаража в утренние сумерки, они едва не оторвались от земли. Главный вход был метрах в пятидесяти от них, и крепкий агент у фургона тут же обернулся и увидел, как беглецы уносятся прочь. Сиена еще поддала газу, и вой мотора перешел в тонкий визг.

Сидя за спиной Сиены, Лэнгдон оглянулся на агента – тот вскинул оружие и тщательно целился в них. Лэнгдон невольно съезжился. Раздался одиночный выстрел, и пуля отскочила от заднего крыла трайка, едва не угодив Лэнгдону в поясницу.

Господи Боже!

На перекрестке Сиена резко свернула влево, и Лэнгдон чуть не соскользнул с седла, в последний миг успев удержать равновесие.

– Прижмитесь ко мне! – крикнула она.

Лэнгдон подался вперед, примащиваясь поровнее. Они по-прежнему мчались на полной

скорости, теперь уже по улице пошире. Только через целый квартал он кое-как отдышался.

Что это за боевики, черт возьми?!

Сиена сосредоточила все внимание на дороге; с утра она была еще почти пуста, но случайные машины все же приходилось объезжать. Редкие прохожие смотрели им вслед, явно озадаченные видом рослого мужчины в костюме от Бриони, сидящего *позади* грациозной девушки.

Лэнгдон и Сиена проехали три квартала и приближались к крупному перекрестку, но тут впереди взвыла сирена. Из-за угла на двух колесах вылетел узкий черный фургон; еле вписавшись в поворот, он добавил скорости и помчался прямо на них. Он выглядел в точности как тот, что доставил к их дому группу людей в черном.

Сиена вильнула вправо и ударила по тормозам. Потом резко остановилась, спрятавшись за припаркованным к тротуару грузовиком, и Лэнгдон ткнулся в нее грудью. Подогнав трайк вплотную к заднему бамперу грузовика, она выключила двигатель.

Видели они нас или нет?

Беглецы съежились и замерли... затаив дыхание.

Фургон пронесся мимо, не сбавляя скорости, – очевидно, их не заметили. Однако, проводив его взглядом, Лэнгдон успел мельком увидеть тех, кто был внутри.

На заднем сиденье, зажата между двумя бойцами, как пленница, ехала пожилая, но очень красивая женщина. Ее глаза закатывались, а голова болталась, словно ей было плохо или ее опоили снотворным. На груди у нее висел амулет, а длинные серебристые волосы локонами спускались на плечи.

На миг у Лэнгдона перехватило дух, как будто перед ним предстал призрак.

Это была незнакомка из его видения.

Шеф стремительно вышел из центра управления и зашагал по правому борту «Мендация», пытаясь взять себя в руки. То, что сейчас обнаружилось в жилом доме во Флоренции, было просто невыносимо.

Он дважды обошел весь свой большой корабль, после чего вернулся в кабинет и достал из шкафчика бутылку односолодового виски «Хайленд парк» пятидесятилетней выдержки. Не раскупорив бутылку, он поставил ее на стол и повернулся к нему спиной – это был хороший способ убедиться в том, что он и теперь прекрасно себя контролирует.

Его взгляд инстинктивно скользнул к тяжелому потрепанному тому на книжной полке – подарку клиента... того самого, с которым ему лучше было бы никогда не встречаться.

Год тому назад... но откуда мне было знать?

Обычно шеф не вступал в прямые контакты с потенциальными клиентами, однако сведения об этом человеке поступили из очень надежного источника, и шеф сделал для него исключение.

Когда клиент впервые прибыл на борт «Мендация» на своем личном вертолете, на море царил мертвый штиль. Гостю, крупному авторитету в своей области, недавно исполнилось сорок шесть – он был подтянут, необычно высокого роста, с пронзительным взглядом зеленых глаз.

– Как вам известно, – начал он, – мне посоветовал воспользоваться вашими услугами наш общий друг. – Гость вытянул свои длинные ноги, явно чувствуя себя в роскошном кабинете шефа как дома. – С вашего разрешения я расскажу, что мне нужно.

– Я предпочел бы его не давать, – прервал посетителя шеф, сразу демонстрируя ему, кто здесь главный. – Согласно нашим правилам, вы ничего не должны мне рассказывать. Я сам объясню, какие услуги мы предоставляем, а вы решите, устраивает вас это или нет.

Гость слегка растерялся, но не стал возражать и внимательно все выслушал. Под конец обнаружилось, что желание долговязого новичка не представляет для Консорциума ровным счетом ничего необычного: он хотел всего лишь на некоторое время «стать невидимкой», чтобы заниматься своим делом втайне от любопытных глаз.

Детские игры.

Консорциум брался выполнить желаемое, предоставив клиенту поддельные документы и абсолютно надежное, безопасное убежище, где он мог бы делать свою работу – какой бы характер она ни носила – в обстановке полной секретности. Консорциум никогда не пытался выяснить, какие цели преследуют его клиенты, предпочитая знать о тех, кому он оказывает услуги, как можно меньше.

За весьма солидное вознаграждение шеф целый год обеспечивал своему зеленоглазому гостю, который оказался идеальным клиентом, тихую гавань. Шеф не имел с ним никаких контактов, и все выставленные Консорциумом счета оплачивались вовремя.

Затем, две недели назад, все круто изменилось.

Неожиданно клиент сам вышел на связь и потребовал личной встречи с шефом. С учетом того, какие суммы от него поступали, отказать ему было неудобно.

В неопрятном взъерошенном человеке, появившемся на яхте, едва можно было признать того спокойного подтянутого визитера, с которым шеф заключил сделку в прошлом году. Его зеленые глаза, когда-то пронзительные, теперь смотрели дико. Он выглядел почти больным.

Что с ним случилось? Чем он занимался?

Шеф пригласил тревожно озирающегося гостя к себе в кабинет.

– Эта среброволосая дьяволица, – пробормотал тот. – Она с каждым днем подбирается все ближе.

Шеф раскрыл папку с делом клиента и кинул взгляд на фотографию привлекательной женщины с серебристыми волосами.

– Да-да, – сказал он. – Среброволосая дьяволица. Мы прекрасно знаем всех ваших врагов. Несмотря на ее могущество, мы целый год не подпускали ее к вам и впредь намерены делать то же самое.

Зеленоглазый беспокойно накручивал на пальцы сальные пряди своих длинных волос.

– Только не дайте ей себя одурачить. Хотя она и красива, но враг очень опасный.

Знаю, подумал шеф, по-прежнему недовольный тем, что его клиент привлек внимание столь влиятельной персоны. Женщина с серебристыми волосами располагала огромными ресурсами и могла получить доступ практически куда угодно, а необходимость бороться с такими противниками шефа отнюдь не радовала.

– Если она или ее бесы меня обнаружат... – начал клиент.

– Не обнаружат, – уверил его шеф. – Разве до сих пор мы не прятали вас и не обеспечивали всем, что вам требовалось?

– Да, это так, – признал гость. – И все-таки я буду спать крепче, если... – Он помедлил, собираясь с мыслями. – Скажите, если со мной что-нибудь случится, вы выполните мои последние желания?

– А именно?

Клиент сунул руку в сумку и достал оттуда запечатанный конвертик.

– В этом конверте номер депозитной ячейки в одном флорентийском банке и код к ней. Там вы найдете один маленький предмет. Если со мной что-нибудь случится, вы доставите его по назначению. Это своего рода подарок.

– Очень хорошо. – Шеф взял ручку, чтобы делать заметки. – И кому его следует доставить?

– Среброволосой дьяволице.

Шеф бросил на него быстрый взгляд.

– Подарок вашей мучительнице?

– Скорее, терновый шип ей в бок. – Его глаза блеснули яростью. – Изящная маленькая колючка, выточенная из кости. Она обнаружит в ней карту... своего личного Вергилия... и отправится с ним в самое сердце своего личного ада.

Шеф пристально посмотрел на него.

– Как вам угодно, – произнес он после долгой паузы. – Считайте, что мы договорились.

– Но все важно сделать вовремя, – с волнением в голосе сказал гость. – Этот подарок нельзя отправлять слишком рано. Вы должны беречь его до... – Он умолк, вдруг о чем-то задумавшись.

– До?.. – поторопил его шеф.

Внезапно клиент вскочил, обогнул стол шефа, схватил красный маркер и судорожно обвел им число на настольном календаре.

– Вот до этого дня.

Шеф поджал губы и втянул носом воздух, проглотив раздражение, вызванное этим бесцеремонным поступком.

– Понятно, – сказал он. – Я сохраняю бездействие вплоть до отмеченного дня, после чего отправляю предмет, хранящийся в банковском сейфе, этой среброволосой. Можете на меня положиться. – Он сосчитал по календарю дни до неуклюже обведенной даты. – Я выполню ваше желание ровно через четырнадцать дней, считая с сегодняшнего.

– И ни на день раньше! – лихорадочно воскликнул зеленоглазый.

– Понимаю, – успокоил его шеф. – Ни на день раньше.

Шеф взял конверт, вложил его в папку и сделал необходимые заметки, гарантирующие точное выполнение распоряжений клиента. Его вполне устраивало, что клиент не объяснил, какой именно предмет хранится в банке. Отсутствие интереса к ненужным деталям было краеугольным камнем практической философии Консорциума. *Выполняй обещанное. Не задавай лишних вопросов. А главное – никого не суди.*

Плечи гостя обмякли, и он тяжело перевел дух.

– Спасибо.

– Что-нибудь еще? – спросил шеф. Ему не терпелось избавиться от своего преобразившегося клиента.

– Честно говоря, да. – Он извлек из кармана маленькую ярко-красную флешку. – Здесь записан видеофайл. – Он положил флешку перед шефом. – Мне хотелось бы, чтобы вы разослали его в новостные агентства всего мира.

Шеф с любопытством посмотрел на собеседника. Консорциум нередко распространял информацию по указанию своих клиентов, однако в просьбе этого человека было что-то настораживающее.

– В тот же день? – спросил он, кивая на свой календарь.

– Да, в тот же самый, – ответил клиент. – И ни минутой раньше.

– Понятно. – Шеф снабдил красную флешку ярлычком с необходимыми инструкциями. – Итак, это все?

Он встал, надеясь завершить встречу. Но клиент остался сидеть.

– Нет. Есть еще одно, последнее.

Шеф снова опустился в кресло.

Зеленые глаза клиента вспыхнули зловещим блеском.

– Вскоре после того, как вы обнародуете это видео, я стану очень известным человеком.

Кажется, ты уже известный человек, подумал шеф, вспомнив о впечатляющих достижениях своего гостя.

– В этом есть и ваша заслуга, – продолжал тот. – С вашей помощью мне удалось сотворить шедевр... который изменит весь мир. Вы можете гордиться своей ролью.

– Каким бы ни был ваш шедевр, – ответил шеф, подавляя нетерпение, – я рад, что вы получили возможность создать его без помех.

– В знак благодарности я хочу вручить вам прощальный подарок. – Растрепанный гость опять полез в сумку и вынул оттуда толстую книгу. – Держите.

Интересно, подумал шеф, *уж не над этим ли ты тайно трудился весь последний год?*

– Вы сами ее написали?

– Нет. – Гость положил увесистый том на стол. – Совсем наоборот... она была написана для меня.

Шеф озадаченно посмотрел на книгу. Он считает, что это написано для него? Но ведь это классическое сочинение четырнадцатого века!

– Прочтите ее, – сказал гость с жутковатой усмешкой. – Она поможет вам понять то, что

я сделал.

После этих слов неопрятный гость встал, распрощался и неожиданно быстро ушел. В окно кабинета шефу было видно, как его вертолет снялся с палубы и взял курс обратно на побережье Италии.

Затем шеф снова переключил внимание на толстую книгу в кожаном переплете. Нерешительно раскрыв ее, он отыскивал начало основного текста. Первые строки были набраны крупным шрифтом и занимали целую страницу:

АД

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

На противоположной странице его клиент написал от руки:

*Дорогой друг! Спасибо, что помогли мне найти правильный путь.
Мир тоже вам благодарен.*

Шеф понятия не имел, что это значит, но с него было довольно. Он закрыл книгу и убрал на полку. Слава Богу, деловое сотрудничество с этим странным типом скоро закончится. *Еще четырнадцать дней*, подумал шеф, переведя взгляд на криво обведенную дату на своем календаре.

В последующие дни шеф вспоминал о зеленоглазом клиенте с необычной для себя нервозностью. Похоже, парень свихнулся. Однако, несмотря на его дурные предчувствия, ничего экстраординарного не происходило.

Затем, как раз накануне отмеченной даты, во Флоренции произошли сразу несколько трагических событий. Шеф пытался справиться с кризисом, однако ситуация быстро вырвалась из-под контроля. Кризис достиг кульминации, когда его клиент, задыхаясь, взобрался на самый верх башни Бадия.

Он бросился с нее... навстречу гибели.

Потерять клиента – особенно таким образом – было ужасно, но шеф оставался человеком слова. Он тут же начал подготовку к тому, чтобы выполнить последнее обещание, данное покойному: отправить женщине с серебристыми волосами содержимое банковской ячейки во Флоренции, позаботившись о том, чтобы она получила его точно в назначенный срок.

Ни в коем случае не раньше даты, помеченной в календаре.

Шеф отдал конверт с кодом ячейки Вайенте, и та отправилась во Флоренцию, чтобы забрать из сейфа нужный предмет – ту самую «изящную маленькую колючку». Однако с первым же звонком от Вайенты поступили неожиданные и крайне тревожные вести. Сейф уже очистили от содержимого, а Вайента едва ушла от полиции. Каким-то путем женщина с серебристыми волосами узнала нужный шифр и пустила в ход свое влияние, чтобы получить доступ к банковской ячейке, а заодно и ордер на арест любого, кто попытается ее открыть.

Это было три дня тому назад.

Клиент явно хотел, чтобы похищенный предмет стал последним оскорблением в адрес его среброволосой противницы – ядовитой насмешкой из могилы.

Но эта насмешка прозвучала чересчур рано.

С тех пор в Консорциуме царила лихорадочная суэта: ради того, чтобы соблюсти последнюю волю клиента и защитить от неприятностей саму организацию, использовались все ресурсы. По ходу дела Консорциум пересек несколько опасных рубежей, и шеф понимал, что вернуться обратно будет непросто. Теперь, когда во Флоренции назревала развязка, он сидел, упершись взглядом в стол, и гадал, что готовит им будущее.

А с календаря на него пялился кружок, криво нацарапанный безумной рукой, – красный завиток, отмечающий какую-то важную для погибшего дату.

Завтра.

Глаза шефа сами собой нашли на столе бутылку виски. Затем, впервые за четырнадцать лет, он налил себе стопку и осушил ее одним глотком.

Внизу, в недрах корабля, старший координатор Лоренс Ноултон вынул маленькую красную флешку из разъема компьютера и положил ее перед собой. Таких странных записей он не видел еще никогда в жизни.

Ее просмотр занимал ровно девять минут... с точностью до секунды.

Непривычно взволнованный, координатор встал и принялся мерить шагами крохотную кабинку, снова и снова задавая себе один и тот же вопрос: стоит ли показывать это странное видео шефу?

Просто делай свою работу, сказал себе Ноултон. *Не спрашивай. Не суди.*

Решительно выбросив из головы все сомнения, он занес в рабочий блокнот нужную запись. Завтра, в соответствии с требованием клиента, он разошлет этот видеофайл по всем информационным порталам.

Бульвар Никколо Макьявелли называют одной из самых красивых флорентийских улиц. Расположенный в чудесном зеленом районе, он плавно петляет среди живых изгородей и лиственных деревьев и давно облюбован велосипедистами и поклонниками «феррари».

Сиена умело вела трайк по извилистой дороге. Беглецы оставили позади бедные жилые кварталы и теперь дышали чистым, напоенным весенними ароматами воздухом фешенебельного Западного берега. Они миновали небольшую церквушку – часы на ней только что пробили восемь.

Лэнгдон по-прежнему держался за талию своей спутницы, но мысли его были заняты таинственными образами с картины дантовского ада... и загадочным лицом прекрасной незнакомки с серебристыми волосами, которую он видел между двумя рослыми бойцами на заднем сиденье фургона.

Кто бы она ни была, подумал Лэнгдон, теперь она в их власти.

– Та женщина в фургоне, – сказала Сиена, повысив голос, чтобы перекрыть шум мотора. – Вы уверены, что видели в галлюцинациях именно ее?

– Абсолютно.

– Тогда вы, должно быть, встречались с ней хотя бы раз за последние два дня. Вопрос в том, почему она вам все время мерещится... и почему повторяет «ищите, и найдете».

Лэнгдон согласно кивнул.

– Не знаю... Я не помню, чтобы встречался с ней, но всякий раз, когда я вижу ее лицо, мне почему-то кажется, что я обязательно должен ей помочь.

Зарево... зарево... зарево...

Ему пришел на память ослепительный взрыв из его видения, и он подумал, нет ли какой-нибудь связи между незнакомкой с серебристыми волосами и странным словом, которое он твердил в больнице. *Надеюсь, я не причинил ей вреда?* При этой мысли к его горлу подкатил комок.

Лэнгдону казалось, что его лишили жизненно важного орудия. *Я ничего не помню.* Лэнгдон с детства обладал эйдетической памятью и всегда полагался на нее как на свое главное интеллектуальное достояние. Для человека, привыкшего запоминать все, что он видит вокруг, с точностью до мельчайших деталей, жизнь без памяти смахивала на попытку посадить самолет в темноте без помощи радара.

– Похоже, ваш единственный шанс найти ответы – это расшифровать «Карту ада», – сказала Сиена. – Наверное, в ней-то и скрыта причина того, что за вами охотятся.

Лэнгдон снова кивнул, вспомнив слово «catrovaser» на корчащихся телах в Дантовом аду. И вдруг его осенило.

Ведь я очнулся во Флоренции...

На свете не было города, более тесно связанного с Данте. Во Флоренции великий поэт родился, во Флоренции он вырос, во Флоренции, если верить легенде, влюбился в Беатриче – а затем подвергся жестокому изгнанию, которое обрекло его на годы скитаний по итальянским провинциям и мучительную тоску по родному очагу.

Ты бросишь все, к чему стремились твои желанья, написал Данте по этому поводу. *Эту язву нам всего быстрее наносит лук изгнанья.*

Вспомнив эти слова из Семнадцатой песни «Рая», Лэнгдон поглядел направо, за реку

Арно, – туда, где высились в отдалении башни старой Флоренции.

Лэнгдон представил себе Старый город – его запутанную планировку, толкотню и потоки машин, протискивающихся по узким улочкам среди знаменитых флорентийских соборов, музеев, церквей и торговых центров. Ему пришло на ум, что если они с Сиеной избавятся от мопеда, им нетрудно будет затеряться в толпе туристов.

– В Старый город – вот куда мы должны отправиться, – заявил он. – Если где-то и есть ответы, искать их нужно там. Старая Флоренция составляла весь мир Данте.

Кивнув в знак согласия, Сиена крикнула через плечо:

– Там и безопасней – много мест, где можно спрятаться. Я еду к Порта Романа, а потом пересечем реку.

Река, подумал Лэнгдон с легким трепетом. Знаменитое путешествие Данте в ад тоже началось с того, что он пересек реку.

Сиена прибавила скорости, и пока мимо мелькали деревья и дома, Лэнгдон вновь стал перебирать в уме образы преисподней, мертвых и умирающих, Злые Щели с чумным доктором и загадочным словом «catrovaser»... Он размышлял о мрачной сентенции под Боттичеллиевой картой – *истину можно увидеть только глазами смерти* — и гадал, не может ли она оказаться цитатой из Данте.

Что-то не припомню такого.

Лэнгдон внимательно изучал творчество Данте, а поскольку он был специалистом по истории искусств и, в частности, по иконографии, к нему порой обращались с просьбами истолковать многочисленные символы, которыми изобиловали труды великого итальянца. По воле случая – а может быть, судьбы – примерно два года назад он читал лекцию, посвященную дантовскому «Аду».

«Божественный Данте – символы Ада».

Данте Алигьери давно сделался одной из культовых исторических фигур, и общества его поклонников были рассеяны по всему свету. Самое старое американское Общество любителей Данте появилось в 1881 году в массачусетском Кембридже – его основал Генри Уодсворт Лонгфелло. Этот знаменитый поэт, уроженец Новой Англии, был первым американским переводчиком «Божественной комедии», и его перевод до наших дней остается одним из наиболее популярных и ценимых.

Как известного знатока наследия Данте, Лэнгдона пригласили выступить на крупном мероприятии, устроенном одним из самых старинных отделений Общества Данте – Венским. Оно проходило под крышей Австрийской академии наук. Главному спонсору мероприятия, состоятельному ученому и члену Общества Данте, удалось арендовать ее лекционный зал на две тысячи мест.

У дверей академии Лэнгдона встретил секретарь конференции. Когда они шли по вестибюлю, Лэнгдону бросились в глаза пять слов, выписанных на задней стене исполинскими буквами: «ЕСЛИ БОГ ОШИБСЯ ЧТО ТОГДА?»

– Это Лукас Троберг, – сказал секретарь. – Наша новая художественная инсталляция. Как вам?

Лэнгдон помедлил, разглядывая гигантскую надпись.

– Гм... мазок у него уверенный, но с пунктуацией он немного не в ладах.

Секретарь слегка смутился. Лэнгдону оставалось только надеяться, что его контакт с аудиторией будет лучше.

Когда Лэнгдон наконец вышел на сцену, его встретили бурными аплодисментами. Все

места были заняты, и даже в проходах стояли люди.

– Meine Damen und Herren^[14], – начал Лэнгдон, и его усиленный динамиками голос раскатился по залу. – Willkommen^[15], bienvenue^[16], welcome^[17]!

Публика отреагировала на знаменитую цитату из «Кабаре» одобрительным смехом.

– Меня предупредили, что сегодня здесь собрались не только члены Общества Данте, но и многие приезжие ученые и студенты, которые, возможно, впервые всерьез заинтересовались его творчеством. Поэтому для тех из вас, кому из-за напряженных занятий наукой было некогда читать средневековые итальянские поэмы, я в двух словах расскажу о Данте – о его жизни, трудах и о том, почему его считают одной из самых значительных фигур в нашей истории.

Снова аплодисменты.

Нажимая кнопки маленького дистанционного пульта, Лэнгдон высветил на экране ряд портретов Данте. На первом из них, кисти Андреа дель Кастаньо, поэт был изображен в полный рост – он стоял на пороге раскрытой двери с философским трактатом в руке.

– Итак, Данте Алигьери, – начал Лэнгдон. – Годы жизни этого флорентийского писателя и философа – с 1265-го по 1321-й. На этом портрете, как и почти на всех остальных, он изображен в красном каппуччо – плотно сидящей на голове шапочке с наушниками, которая наряду с малиновым плащом из города Лукка стала для нас привычной деталью его наряда.

Лэнгдон нашел слайд с боттичеллиевским портретом Данте из галереи Уффици, подчеркивающим самые характерные его черты – тяжелый подбородок и нос крючком.

– Здесь мы снова видим необычное лицо Данте в обрамлении красного каппуччо, однако Боттичелли добавил к этой шапочке еще и лавровый венок как символ высшего достижения – в данном случае в области поэтического искусства. Этот традиционный символ унаследован от древних греков. Как вам известно, такие венки и сейчас возлагают на головы поэтов-лауреатов и нобелевских лауреатов.

Лэнгдон быстро прокрутил еще несколько слайдов – все с орлиным профилем Данте, и на всех поэт был в своей неизменной красной шапочке, красном плаще и лавровом венке.

– И наконец, чтобы вы получили полное представление о внешности Данте, вот памятник ему на площади Санта-Кроче... и, конечно, знаменитая фреска из Барджелло, приписываемая Джотто.

Лэнгдон оставил на экране проекцию слайда с фреской Джотто и вышел на середину сцены.

– Как вы, безусловно, знаете, в первую очередь Данте прославил его монументальный литературный шедевр – «Божественная комедия», где с натуралистической яркостью повествуется о том, как автор сошел в ад, проследовал через чистилище и поднялся в рай, на свидание с самим Богом. По нынешним понятиям, в «Божественной комедии» нет ничего комического. Она называется комедией по совершенно иной причине. В четырнадцатом веке вся итальянская литература делилась на две четко определенные категории. Трагедии считались высокой литературой, и их писали на «официальном» итальянском, а комедии относили к низкой литературе и писали на разговорном языке, адресуя к простому населению.

Лэнгдон опять несколько раз нажал кнопку пульта и отыскал классическую фреску Микелино – ту, на которой Данте стоит под стенами Флоренции, держа в руке «Божественную комедию». На заднем плане уступами поднималась гора чистилища, а под ней виднелись адские врата. Теперь эта картина украшала флорентийский собор Санта-

Мария-дель-Фьоре, более известный как Дуомо.

– Как можно догадаться по названию, – продолжал Лэнгдон, – «Божественная комедия» была написана на разговорном итальянском, то есть на языке простого народа. При этом она представляет собой гениальный сплав религии, истории, политики, философии и публицистики в форме художественного произведения, которое, будучи весьма утонченным по сути, тем не менее оставалось полностью доступным широким массам. Этот труд превратился в подлинный столп итальянской культуры – недаром принято считать, что именно он заложил основы современного итальянского языка.

Лэнгдон выдержал эффектную паузу, а затем негромко добавил:

– Друзья мои, переоценить влияние творчества Данте попросту невозможно. За исключением разве что Священного Писания, во всей нашей истории не найти такого произведения искусства – будь этим искусством музыка, живопись или литература, – которое породило бы большее количество восхищенных отзывов, вариаций, подражаний и комментариев, чем «Божественная комедия».

Перечислив множество знаменитых композиторов, художников и литературных деятелей, создавших свои опусы на основе дантовской эпической поэмы, Лэнгдон обвел аудиторию взглядом.

– Скажите, есть ли среди нас сегодня авторы?

Почти треть слушателей подняла руки. Лэнгдон не верил своим глазам. *Ну и ну! Или у меня самая продвинутая публика на свете, или электронные публикации и вправду изменили мир.*

– Что ж, как хорошо известно каждому автору, для писателя нет ничего ценнее рекламной аннотации – краткого отзыва какой-нибудь известной личности, который печатается на обложке и поднимает продажи. Такая реклама существовала и в Средние века, и Данте собрал немало подобных отзывов. – Лэнгдон поменял слайды. – Как вам понравилось бы, если бы на вашей книге написали вот это?

Он выше всех из величайших сынов Земли.

Микеланджело

По залу прошелестел удивленный шепот.

– Да, – сказал Лэнгдон, – это тот самый Микеланджело, которого все вы знаете по Сикстинской капелле и «Давиду». Он был не только прекрасным скульптором и живописцем, но и великолепным поэтом – написал почти триста стихотворений. Одно из них называется «Данте» и посвящено гению, так наглядно изобразившему преисподнюю, что это вдохновило Микеланджело на создание «Страшного суда». Если вы мне не верите, прочтите Третью песнь дантовского «Ада», а потом пойдите в Сикстинскую капеллу – там, прямо над алтарем, вы увидите вот этот знакомый образ. – Лэнгдон прокрутил слайды до картинке с разъяренным гигантом, который замахивался веслом на съездившихся в ужасе людей. – На этом фрагменте адский перевозчик Харон бьет веслом отставших пассажиров.

Затем Лэнгдон перешел к следующему слайду, с другим фрагментом «Страшного суда» – здесь распинали какого-то человека.

– Это Аман Агагит. Согласно Писанию, его повесили, однако в дантовской поэме он был не повешен, а распят. Как видите, Микеланджело выбрал версию Данте, предпочтя ее библейской. – Лэнгдон ухмыльнулся и понизил голос. – Только римскому папе не говорите.

Слушатели засмеялись.

– В своем «Аде» Данте создал мир боли и страданий, превосходящий все прежние плоды человеческого воображения, и его поэма в буквальном смысле определила современные представления об этом подземном царстве. – Лэнгдон сделал паузу. – И, поверьте мне, католической церкви есть за что поблагодарить великого итальянца. На протяжении многих веков его «Ад» внушал верующим ужас, в результате чего они приходили в храм замаливать грехи как минимум втрое чаще.

Лэнгдон сменил слайд.

– А теперь мы переходим к главной теме нашей беседы.

На экране появилось название лекции: «Божественный Данте – символы Ада».

– Дантов «Ад» – или, по-итальянски, «Инферно» – так насыщен символами и многоплановыми образами, что я часто посвящаю ему курс продолжительностью в целый семестр. Сегодня мы с вами хотим бегло ознакомиться с его символикой, а для этого, пожалуй, не придумаешь ничего лучше, чем войти с ним бок о бок... в адские врата. – Лэнгдон подошел к краю сцены и окинул публику взглядом. – Ну а раз уж мы собираемся совершить прогулку по преисподней, я настоятельно рекомендую захватить с собой карту. И нет на свете карты, изображающей ад Данте более точно и подробно, чем карта Сандро Боттичелли.

Он коснулся пульта, и перед слушателями возникла грозная «La Mappa dell'Inferno». По залу прокатились изумленные вздохи: присутствующих явно поразило разнообразие пыток, которым подвергались грешники в огромной воронкообразной яме.

– В отличие от многих других иллюстраторов Данте Боттичелли не позволял себе никаких отступлений от оригинала. Он читал «Божественную комедию» с огромным восхищением – по словам основоположника искусствознания Джорджо Вазари, он так увлекся Данте, что это «внесло в его жизнь очень большой беспорядок». Боттичелли создал по мотивам произведений Данте более двух дюжин работ, но эта остается самой известной.

Лэнгдон повернулся и указал на левый верхний угол картины.

– Наше путешествие начнется здесь, на поверхности земли. Вот сам Данте в красном одеянии, а рядом его проводник Вергилий. Как видите, они стоят перед адскими вратами. Отсюда мы отправимся вниз, через девять кругов Дантова ада, и в конце концов окажемся лицом к лицу с...

Лэнгдон включил новый слайд. Это было огромное увеличенное изображение Сатаны с той же самой картины Боттичелли – жуткий трехголовый Люцифер, терзающий трех человек, по одному каждой пастью.

Публика испуганно ахнула.

– Вот кто ждет нас на финише, – заявил Лэнгдон. – В обществе этого обаятельного персонажа мы завершим сегодняшнюю экскурсию. Это произойдет в девятом круге ада, где обитает Сатана собственной персоной. Однако... – Лэнгдон помедлил. – По дороге мы встретим еще много интересного, так что давайте вернемся назад... к воротам ада, откуда и начнем свой путь.

Лэнгдон высветил очередной слайд – гравюру Гюстава Доре. Художник изобразил на ней темный туннель, уходящий в глубь крутой скалы. Надпись над туннелем гласила: «ОСТАВЬ НАДЕЖДУ, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ»^[18].

– Итак... – сказал Лэнгдон с улыбкой. – Войдем?

Где-то громко взвизгнули шины, и зал перед глазами Лэнгдона испарился. Его бросило

вперед, и он уткнулся в спину Сиены, остановившей трайк посреди бульвара Макьявелли.

Лэнгдон не сразу пришел в себя: перед его мысленным взором все еще маячили адские врата. Но, оглядевшись вокруг, он вспомнил, где находится.

– Что случилось? – спросил он.

Сиена показала вперед, на Porta Romana – до этих старинных каменных ворот, некогда служивших входом во Флоренцию, оставалось еще метров триста.

– Смотрите, Роберт. Похоже, мы влипли.

Агент Брюдер стоял в маленькой квартирке и пытался осмыслить то, что видел вокруг. *Кто здесь живет, черт возьми?* Мебель была дешевая и разнокалиберная, как в комнате студенческого общежития, обставленной за гроши самими жильцами.

– Агент Брюдер! – послышался из коридора голос его подчиненного. – Взгляните, это интересно!

Покидая комнату, Брюдер подумал, что Лэнгдона уже вполне могла задержать местная полиция. Сам он предпочел бы разрешить кризис своими силами, но побег Лэнгдона не оставил ему выбора – пришлось подключить к делу местную полицию и блокировать дороги. В уличном лабиринте Флоренции юркому мопеду было легко ускользнуть от фургонов Брюдера: окна с тяжелыми поликарбонатными стеклами и прочные непрокальвающиеся покрышки делали их хоть и неуязвимыми, но зато и неповоротливыми. Итальянская полиция не любила сотрудничать с чужаками, но у организации Брюдера хватало рычагов влияния – на органы правопорядка, на консульства и посольства... *Когда мы требуем, никто не смеет отказать.*

Брюдер вошел в маленький кабинет, где его агент в латексных перчатках стоял над открытым ноутбуком и нажимал клавиши.

– Этим компьютером он и пользовался, – сказал агент. – Проверял свою электронную почту и что-то искал в Интернете. Все это осталось в памяти.

Брюдер шагнул к столу.

– Ноутбук не принадлежит Лэнгдону, – продолжал оперативник. – Он зарегистрирован на человека с инициалами С. К. – полное имя я сейчас выясню.

Дождаясь результатов проверки, Брюдер обратил внимание на стопку бумаг на столе. Он взял их и стал просматривать эту странную коллекцию – буклетик лондонского театра «Глобус» и подборку газетных вырезок. Чем больше он читал, тем шире раскрывались его глаза.

Взяв бумаги, Брюдер выскользнул обратно в коридор и позвонил своему начальнику.

– Это Брюдер, – сказал он. – Кажется, мы установили личность того, кто помогает Лэнгдону.

– И кто же это? – спросил начальник.

Брюдер вздохнул.

– Вы не поверите.

В трех километрах от них Вайента приникла к рулю «БМВ», удаляясь от дома, где прятался Лэнгдон. Навстречу ей с воем неслись полицейские автомобили.

Меня отстранили, думала она.

Как правило, мягкий рокот четырехтактного двигателя мотоцикла успокаивал ей нервы. Как правило – но не сегодня.

Вайента отдала Консорциуму двенадцать лет. Она начинала в группе поддержки, затем поднялась до координатора и наконец достигла уровня оперативного агента наивысшей квалификации. *Кроме карьеры, у меня ничего нет.* Работа оперативника подразумевала строгую секретность, разъезды и длительные задания, а это фактически исключало возможность личной жизни и нормальных человеческих отношений вне службы.

Я выполняла это задание целый год, думала она, все еще не в силах поверить, что шеф так бессердечно решил от нее избавиться.

Двенадцать месяцев кряду Вайента следила за безупречным соблюдением договора с одним клиентом Консорциума – эксцентричным зеленоглазым гением, который хотел всего лишь на время «исчезнуть», чтобы поработать без помех со стороны своих соперников и врагов. Переезжал он редко и всегда тайно, а в основном трудился. Вайента не знала, в чем заключается суть работы клиента, – она должна была просто помогать ему скрываться от могущественных людей, которые пытались его найти.

Вайента выполняла свои обязанности как истинный профессионал, и все шло без сучка без задоринки.

До вчерашнего вечера.

А потом вся карьера Вайенты полетела под откос. Неудивительно, что она находилась на грани эмоционального срыва.

Меня вышвырнули.

Запуск процедуры отстранения означал, что агент должен немедленно прекратить выполнение текущего задания и покинуть «район оперативных действий». Если бы отстраненный попал в руки властей, Консорциум заявил бы, что никто из его сотрудников и слыхом о нем не слыхал. Агенты понимали, что с этой организацией шутки плохи, – ведь они имели возможность на собственном опыте убедиться в том, как ловко она умеет искажать реальность в своих целях.

Вайента знала только о двух случаях отстранения. Сложилось так, что обоих отстраненных агентов она больше ни разу не видела. Раньше она считала, что их пригласили для дачи формального отчета и уволили, взяв с них обещание никогда не вступать в контакт ни с кем из прежних коллег.

Однако теперь ее уверенность поколебалась.

Ты просто паникуешь, успокаивала она себя. Консорциум никогда не опустится до такой грубой банальности, как хладнокровное убийство.

И все-таки по ее телу снова прокатилась холодная волна страха.

Инстинкт заставил ее бесшумно покинуть крышу отеля сразу же после того, как у дома напротив высадилась группа Брюдера, и теперь она гадала: может быть, этот инстинкт ее и спас?

Сейчас никто не знает, где я.

Прибавив газу на ровном, как стрела, уходящем прямо на север бульваре Поджо-Империале, она подумала, что значили для нее последние несколько часов. Прошлым вечером она волновалась за свою работу. Теперь – за свою жизнь.

Когда-то Флоренция была окружена сплошной стеной и главным входом в нее служили ворота Порта Романа, построенные в 1326 году. С тех пор прошли века и бóльшую часть городских стен снесли, однако эти ворота уцелели, и поток транспорта до сих пор вливается в город сквозь глубокие арочные туннели в могучем каменном укреплении.

Корпус Порта Романа представляет собой старинную пятнадцатиметровую преграду из кирпича и камня, а в первоначальной арке и донныне сохранились массивные деревянные двери с засовами – правда, теперь они открыты круглые сутки и не мешают движению. Перед этими дверьми сходятся шесть крупных дорог, а на лужайке в центре развязки, образованной их слиянием, красуется большая статуя работы Пистолетто – женщина, покидающая город с огромным тюком на голове.

Хотя сейчас это место почти всегда забито ворчащими автомобилями, прежде у главных флорентийских ворот находилась «Фьера-деи-контратти» – своеобразная ярмарка невест, где отцы продавали дочерей замуж, часто заставляя их исполнять соблазнительные танцы в надежде заключить с женихом более выгодную сделку.

Когда беглецов отделяли от ворот всего несколько сот метров, Сиена остановила мопед и с тревогой указала вперед. Лэнгдон выглянул из-за ее спины и сразу же понял, что ее взволновало. Чуть поодаль стояла длинная вереница машин – двигатели их работали на холостом ходу. Движение на развязке было заблокировано полицией, и туда подъезжали все новые патрульные автомобили. Вооруженные полицейские переходили от машины к машине, опрашивая водителей.

Неужели все это из-за нас? – подумал Лэнгдон. *Не может быть!*

Впереди показался мокрый от пота велосипедист – он ехал по бульвару Макьявелли в их сторону. Велосипед у него был лежачий, и он крутил педали босыми ногами прямо у себя перед носом.

Сиена окликнула его.

– Cos' è successo? – *Что случилось?*

– E chi lo sa! – отозвался он с озабоченным видом. *Откуда я знаю!* – Carabinieri. – И покатил прочь, явно торопясь убраться от греха подальше.

Сиена обернулась к Лэнгдону. Лицо ее было угрюмо.

– Там все перекрыто. Военная полиция.

Где-то за их спинами взвыли сирены, и Сиена насторожилась, вглядываясь в дальний конец бульвара Макьявелли. На ее лице застыла маска страха.

Нас загнали в ловушку, подумал Лэнгдон, озираясь в поисках хоть какого-нибудь выхода – поперечной дороги, парка, аллеи, – но слева бульвар окаймляли частные дома, а справа тянулась каменная стена.

Сирены выли все громче.

– Туда, – предложил Лэнгдон, указывая вперед; там, шагах в тридцати от них, была пустая стройплощадка с передвижной бетономешалкой, за которой можно было кое-как спрятаться.

Резко стартовав, Сиена с ходу загнала мопед на тротуар и въехала на пустой участок. Они затормозили за бетономешалкой и тут же поняли, что здесь можно спрятать разве что трайк – на них самих места уже не оставалось.

– За мной, – приказала Сиена и кинулась к маленькой кладовке, приткнувшейся к стене среди кустов.

Нет, это не кладовка, сообразил Лэнгдон через пару секунд, невольно сморщив нос. *Это временный туалет.*

Когда они подбежали вплотную к биотуалету для рабочих-строителей, вой патрульных машин раздавался уже совсем рядом. Сиена подергала ручку, но дверь была заперта – на ней висела тяжелая цепь с замком. Схватив Сиену за локоть, Лэнгдон потащил ее вокруг домика и втолкнул в узкое пространство между туалетом и каменной стеной. Вдвоем они еле втиснулись в этот закуток, где от вони было почти нечем дышать.

Едва Лэнгдон успел нырнуть в укрытие вслед за своей спутницей, как в поле зрения показался черный «субару-форестер» с крупной надписью «CARABINIERI» на боку. Машина медленно прокатила мимо того места, где они прятались.

Итальянская военная полиция, подумал Лэнгдон, не веря своим глазам. Интересно, им тоже отдали приказ стрелять на поражение?

– Кому-то очень понадобилось нас найти, – прошептала Сиена. – И они знают, что мы где-то здесь.

– Джи-пи-эс? – предположил Лэнгдон. – Может, в проекторе есть маячок?

Сиена покачала головой:

– Ну нет. Если бы эту штуку можно было выследить, нас бы давно уже сцапали.

Лэнгдон слегка повернулся, чтобы поудобнее угнездиться в этом тесном – особенно при его габаритах – уголке. При этом у него перед носом очутились изящные граффити, нацарапанные на задней стене передвижного туалета.

Ай да итальянцы!

В Америке почти все туалеты размалеваны по-детски неуклюжими изображениями огромных грудей и пенисов. Однако стена этого домика больше походила на альбом начинающего художника – здесь были человеческий глаз, хорошо прорисованная рука, мужской профиль и сказочный дракон.

– Не думайте, что чужую собственность портят с таким вкусом по всей Италии, – сказала Сиена, прочитав его мысли. – Дело в том, что прямо за этой каменной оградой находится флорентийский Институт искусств.

Словно в подтверждение ее слов, неподалеку появилась группа студентов с большими папками для эскизов. Неторопливо шагая в их сторону, они болтали, курили и с удивлением поглядывали вперед, на суету у Порта Романа.

Лэнгдон с Сиеной пригнулись, чтобы студенты их не заметили, и тут Лэнгдона внезапно поразила одна любопытная мысль.

Грешники, закопанные по пояс вниз головой.

Возможно, в этом был виноват запах человеческих отпавлений или вид мелькающих в воздухе босых ног давешнего велосипедиста, но, какова бы ни была причина, перед внутренним взором Лэнгдона снова возникли смрадный мир Злых Щелей и голые ноги, торчащие из-под земли.

Он живо обернулся к своей спутнице.

– Сиена! В нашей версии «La Marra» ноги того бедняги, которого закопали вниз головой, были в десятом рву, верно? В самой нижней из Злых Щелей?

Сиена озадаченно посмотрела на него, словно удивившись, что он заговорил об этом именно сейчас.

– Да, в самом низу.

На долю секунды Лэнгдон вновь перенесся на сцену Венской академии. До эффектного финала его лекции оставалось уже совсем немного, и он только что показал слушателям гравюру Доре с изображением Гериона – крылатого чудовища с отравленным шипом на хвосте, которое обитало прямо над Злыми Щелями.

– Прежде чем встретиться с Сатаной, – провозгласил Лэнгдон звучным голосом, вдобавок еще и усиленным динамиками, – мы должны пересечь десять Злых Щелей, где казнят обманщиков – тех, кто сознательно творил зло.

Лэнгдон нашел слайд с увеличенным изображением Злых Щелей, а затем перечислил их все по очереди:

– Итак, если двигаться сверху вниз, мы встречаем здесь соблазнительей, которых бесы хлещут кнутами... льстецов, облепленных нечистотами... святокупцев, закопанных в землю по пояс вниз головой... прорицателей, чьи шеи вывернуты на сто восемьдесят градусов... мздоимцев в озере кипящей смолы... лицемеров в свинцовых мантиях... воров, которых жалят змеи... лукавых советчиков в языках пламени... зачинщиков раздора, которых черти безжалостно увечат... и, наконец, лжецов, или поддельщиков, терзаемых страшными болезнями. – Лэнгдон снова повернулся к залу. – Скорее всего Данте приберег этот последний ров для лжецов потому, что именно развернутая против него клеветническая кампания стала причиной изгнания поэта из его любимой Флоренции.

– Роберт! – раздался вдруг голос Сиены.

Лэнгдон вынырнул из воспоминаний. Сиена вопросительно смотрела на него.

– Что с вами?

– «Карта ада», – взволнованно ответил он. – В нашей версии она другая! – Он выудил из кармана проектор и стал трясти его, насколько позволяла теснота. Шарик внутри гремел довольно громко, но этого можно было не бояться, потому что на улице выли сирены. – Тот, кто создал эту картинку, изменил порядок Злых Щелей!

Наконец проектор разгорелся, и Лэнгдон направил его на плоскую поверхность перед ними. Появилась «La Mappa dell'Inferno» – она ярко светилась в полумраке.

Боттичелли на биотуалете, подумал Лэнгдон. Вряд ли произведения этого великого живописца когда-нибудь демонстрировались в менее подходящем месте. Лэнгдон пробежал глазами все десять Злых Щелей и возбужденно закивал.

– Да! – воскликнул он. – Тут все не так! В последней из Злых Щелей должны находиться страдающие от болезней, а не перевернутые вниз головой. Она предназначена для лжецов, а не для святокупцев!

Сиена явно заинтересовалась.

– Но... зачем было их менять?

– Catrovaser, – прошептал Лэнгдон, глядя на маленькие буквы, добавленные к картине по одной на каждом уровне. – Думаю, на самом деле это означает другое.

Несмотря на травму, стершую воспоминания двух последних дней, сейчас память Лэнгдона работала очень четко. Он закрыл глаза и представил себе два варианта «Карты ада», чтобы найти различия между ними. Изменений в Злых Щелях было меньше, чем ему показалось вначале... однако с его глаз вдруг точно спала завеса.

Внезапно все стало кристально ясно.

Ищите, и найдете!

– Ну? – поторопила его Сиена.

У Лэнгдона пересохло во рту.

– Я знаю, почему я очутился во Флоренции.

– Правда?

– Да. И знаю, куда мне нужно идти.

Сиена схватила его за руку.

– Куда?!

Впервые после пробуждения в больнице Лэнгдон почувствовал под ногами твердую почву.

– Эти десять букв, – прошептал он. – Они указывают на точное место в Старом городе.

Именно там кроются ответы.

– Какое место?! – не выдержала Сиена. – Объясните!

Из-за туалета, за которым они прятались, донеслись смеющиеся голоса. Мимо проходила другая компания студентов – они болтали и перешучивались на разных языках. Лэнгдон осторожно выглянул и проводил их глазами. Потом осмотрелся в поисках полиции.

– Пойдемте, – сказал он. – По дороге объясню.

– По дороге?! – Сиена покачала головой. – Да мы не уйдем дальше Порты Романа!

– Выждите здесь ровно полминуты, – сказал он, – а потом отправляйтесь за мной.

С этими словами Лэнгдон выскочил из убежища, оставив свою спутницу недоумевать в одиночестве.

Scusi!^[19] – Роберт Лэнгдон пустился догонять группу студентов. – Scusate!

Студенты дружно обернулись, и Лэнгдон стал озираться по сторонам – ни дать ни взять заблудившийся турист.

– Dov'è l'Istituto statale d'arte? – неуклюже спросил он по-итальянски. *Где государственный Институт искусств?*

Парень, разукрашенный татуировками, пыхнул сигаретой и презрительно ответил:

– Non parliamo italiano. – *Мы не говорим по-итальянски.*

У него был французский акцент.

Одна из девушек укоризненно взглянула на своего татуированного приятеля и вежливо указала вдоль длинной стены в направлении Порта Романа.

– Più avanti, sempre dritto.

Вперед, все время прямо, перевел Лэнгдон.

– Grazie.

В этот момент Сиена незаметно выскользнула из-за передвижного туалета и направилась к ним. Студенты с интересом смотрели на идущую к ним стройную женщину лет тридцати – когда она подошла, Лэнгдон приветственно положил руку ей на плечо.

– Это моя сестра Сиена. Она преподает в художественном колледже.

– Я бы не стал сопротивляться, – пробормотал татуированный, посмотрев на Сиену, и его друзья мужского пола рассмеялись. Лэнгдон пропустил это мимо ушей.

– Каждый преподаватель должен отработать год за границей, и мы приехали во Флоренцию, чтобы подыскать для этого подходящее местечко. Можно пройти туда с вами?

– Ma certo, – с улыбкой сказала итальянка. *Конечно!*

Они не спеша двинулись к Порта Романа, где кишели полицейские. По пути Сиена завязала со студентами разговор, а Лэнгдон затесался в середину группы и шел ссутулившись и стараясь быть как можно незаметнее.

Ищите, и найдете, думал он, представляя себе Злые Щели и чувствуя, как сердце его колотится от волнения.

Catovaser. Лэнгдону вспомнилось, что с этими десятью буквами связана одна из самых интригующих тайн мира искусства, загадка многовековой давности, которую никому так и не удалось разгадать. В 1563 году из этих десяти букв было составлено указание на стене знаменитого флорентийского палаццо Веккьо – оно находилось у всех на виду, но в десяти с лишним метрах от пола, почти неразличимое без помощи бинокля. Только в 1970 году его наконец заметил один искусствовед, теперь уже весьма знаменитый. На протяжении нескольких десятилетий он и другие ученые старались раскрыть смысл этого указания, но никому это не удалось, хотя гипотез было выдвинуто множество.

Вспомнив эту историю, Лэнгдон словно вернулся в тихую гавань после плавания по бурному незнакомому морю. В конце концов, история искусств и древние секреты были ему гораздо ближе, чем пальба по живым мишеням и биологические угрозы.

На их глазах в Порта Романа вливались все новые патрульные автомобили.

– Ничего себе, – сказал парень с татуировками. – Что же натворил тот, кого они ищут?

Двигаясь по правой стороне улицы, их компания подошла к главному входу в Институт искусств. Там собралась целая толпа студентов – все они наблюдали за тем, что творилось у

Порта Романа. Охранник вполглаза посматривал на пропуска входящих студентов, отработывая свое крошечное жалование, но полицейская акция явно интересовала его куда больше.

С площади донесся громкий скрежет тормозов, и в Порта Романа на крутом повороте влетел до боли знакомый беглецам черный фургон.

Лэнгдон тут же отвернулся, испугавшись, что его заметят. Воспользовавшись удобным моментом, они с Сиеной без единого слова проскользнули на территорию института вместе со своими новыми знакомыми.

Аллея, ведущая в институт искусств, была невероятно красива – такой позавидовал бы любой дворец. По обе ее стороны вздымались могучие дубы, и их сплетенные наверху ветви словно обрамляли стоящий в отдалении учебный корпус – огромное старинное желтое здание с тройным портиком и просторной овальной лужайкой перед входом. Лэнгдон знал, что это здание, как и многие другие в городе, построили по заказу блестящей династии, которая правила Флоренцией на протяжении трех веков – пятнадцатого, шестнадцатого и семнадцатого.

Медичи.

Уже само это имя стало символом Флоренции. За время своего трехсотвекового правления могущественный клан Медичи скопил немыслимые богатства и приобрел гигантское влияние – он дал миру четырех пап, двух французских королей и крупнейшую в Европе финансовую организацию. Современные банки до сих пор пользуются бухгалтерской системой, изобретенной Медичи и основанной на двух статьях – дебете и кредите.

Но главное наследие Медичи относится не к финансам и не к политике, а к художественному творчеству. Едва ли не самые щедрые покровители, которых когда-либо знал мир искусства, Медичи не жалели денег на заказы, благодаря которым расцвели самые пышные цветы Ренессанса. В список светил, пользовавшихся покровительством этой семьи, входили такие гиганты, как Леонардо да Винчи, Галилей, Боттичелли... Самое знаменитое полотно последнего, «Рождение Венеры», было написано по заказу Лоренцо Медичи – он решил подарить двоюродному брату на свадьбу эротическую картину, чтобы тот повесил ее над своим брачным ложем.

Лоренцо Медичи – благодаря своей щедрости он снискал себе прозвище Великолепный – и сам был неплохим поэтом и художником, да к тому же имел отличное чутье. В 1489 году ему приглянулись работы одного начинающего скульптора, и он пригласил талантливого паренька пожить во дворце Медичи, где тот мог оттачивать свое мастерство среди живописных шедевров, в атмосфере утонченной поэзии и высокой культуры. Подопечный Медичи быстро пошел в гору и в итоге изваял две самые знаменитые скульптуры в истории – «Пьета» и «Давид». Сегодня мы знаем его как Микеланджело – этого гениального творца иногда называют величайшим даром, который человечество получило от Медичи.

С учетом страстной любви Медичи к искусству, подумал Лэнгдон, члены этой семьи вряд ли огорчились бы, узнав, что здание перед ним – изначально оно служило Медичи конюшнями – превратилось в пышущий творческой энергией Институт искусств. А когда-то этот спокойный уголок, теперешний приют молодых художников, был избран для постройки конюшен по причине своей близости к самому лучшему во всей Флоренции участку для верховой езды – садам Боболи.

Лэнгдон покосился налево – туда, где из-за высокой стены выглядывали верхушки деревьев. Теперь по просторам садов Боболи любили гулять туристы. Лэнгдон почти не

сомневался, что если им с Сиеной удастся проникнуть за ограду, они сумеют пересечь весь парк незамеченными и таким образом миновать Порта Романа. В случае чего в этом обширном парке есть где укрыться: леса, лабиринты, гроты, нимфеи... Мало того, пройдя сады Боболи насквозь, они очутятся у палаццо Питти – каменной цитадели, откуда Медичи во время оно управляли всем своим великим герцогством. Сейчас же этот дворец со ста сорока залами превратился в одну из главных туристических достопримечательностей Флоренции.

Если мы доберемся до палаццо Питти, подумал Лэнгдон, до моста в Старый город будет рукой подать.

С деланным безразличием Лэнгдон кивнул на высокую стену парка.

– Как нам попасть в Сады? – спросил он. – Хочу показать их сестре, а в институт мы еще успеем.

Парень с татуировками покачал головой:

– Отсюда не попадете. Вход далеко, у палаццо Питти. Вам придется проехать через Порта Романа и обогнуть парк.

– Чушь собачья! – выпалила Сиена.

Все, включая Лэнгдона, повернулись и уставились на нее.

– Не гоните, ребята! – Она хитро ухмыльнулась студентам, поглаживая свой белокурый хвостик. – Хотите сказать, что вы никогда не забираетесь туда покурить травку и повалить дурака?

Студенты переглянулись, а потом дружно расхохотались. Парень с татуировками был совершенно сражен.

– Мэм, вы просто обязаны здесь преподавать, – заявил он. Затем подвел Сиену к углу дома и показал за него, на автомобильную парковку. – Видите вон тот гараж слева? За ним стоят козлы. Залезаете по ним на крышу и спрыгиваете со стены на ту сторону.

Сиена уже шагала туда. Обернувшись на ходу, она глянула на Лэнгдона с насмешливой улыбкой.

– Пошли, братец Боб. Или ты уже слишком стар, чтобы лазить через заборы?

Женщина с серебристыми волосами прислонилась головой к пуленепробиваемому окну фургона и закрыла глаза. Все вокруг нее плыло. Ее мутило от препаратов, которые ей велели принять.

Мне нужен врач, подумала она.

Однако ее вооруженный сопровождающий получил строгий приказ: игнорировать все ее нужды, пока задание не будет успешно выполнено. Судя по доносящимся до них звукам, вокруг царил такой хаос, что до этого было еще далеко.

Ее головокружение усилилось, и ей стало трудно дышать. Борясь с очередным приступом тошноты, она вновь спросила себя, каким образом жизнь привела ее на эту сюрреалистическую развилку. Ответ был слишком труден, чтобы найти его в таком лихорадочном состоянии, но она твердо знала, где все это началось.

В Нью-Йорке.

Два года тому назад.

Она прилетела в Манхэттен из Женевы, где уже почти десять лет занимала весьма завидный и престижный пост – директора Всемирной организации здравоохранения. Как специалиста по эпидемиологии и инфекционным болезням ее пригласили в ООН прочесть лекцию о предотвращении пандемий в странах «третьего мира». Рассказывая о методах раннего обнаружения болезней и о планах лечения, разработанных ВОЗ и другими организациями, она излучала уверенность и оптимизм.

После лекции она задержалась в вестибюле, чтобы перемолвиться словечком с несколькими учеными. Внезапно их беседу прервал сотрудник ООН с бейджиком, указывающим на его высокий дипломатический ранг.

– Доктор Сински, нам только что звонили из Совета по международным отношениям. Один человек хочет с вами поговорить. Машина ждет.

Озадаченная и слегка встревоженная, доктор Элизабет Сински извинилась перед собеседниками и взяла свою небольшую сумку. Пока лимузин, в который она села, катил по Первой авеню, ее беспокойство росло.

Совет по международным отношениям?

Как и все остальные, Элизабет Сински кое-что о нем слышала.

СМО был основан в 1920-х годах как частный «мозговой центр», и с тех пор в нем перебивали в качестве членов чуть ли не все госсекретари, с полдюжины президентов, большинство директоров ЦРУ, сенаторов и судей, а также представители знаменитых финансовых династий вроде Морганов, Ротшильдов и Рокфеллеров. Благодаря такому уникальному сочетанию интеллекта, капитала и политического влияния Совет по международным отношениям приобрел репутацию «самого влиятельного частного клуба в мире».

Будучи директором Всемирной организации здравоохранения, Элизабет привыкла иметь дело с сильными мира сего. Долгий стаж работы в ВОЗ вкупе с врожденной прямоотой заслужили ей широкое признание: недавно крупный новостной журнал даже включил ее в число двадцати самых влиятельных людей планеты. «Лицо мирового здоровья» – гласила подпись под ее фотографией, и Элизабет это слегка позабавило, поскольку в детстве ее преследовали болезни.

Ребенком она страдала от жестокой астмы и в шесть лет прошла курс лечения высокими дозами многообещающего нового лекарства – первого из введенных в оборот глюкокортикостероидов, или стероидных гормонов, – после чего астматические симптомы исчезли без следа. К сожалению, у чудо-лекарства были и побочные эффекты, и проявились они лишь годы спустя, когда Сински переступила рубеж полового созревания... но так и не дождалась менструации. Она навсегда запомнила ту тяжелую минуту, когда врач сказал ей, девятнадцатилетней, что ее репродуктивной системе нанесен непоправимый вред.

Элизабет Сински не суждено было иметь детей.

Со временем рана затянется, сказал врач, но горечь и ощущение пустоты в ее душе не исчезали, а, наоборот, росли. Беда была еще и в том, что лекарство, которое лишило Элизабет шанса родить, никак не повлияло на заложенный в ней природой материнский инстинкт. Десятилетиями она подавляла в себе это несбыточное желание, и даже теперь, в шестьдесят один год, при виде мамы с малышом у нее всегда щемило сердце.

– Мы почти на месте, доктор Сински, – сообщил водитель лимузина.

Элизабет пробежалась гребешком по своим длинным серебристым локонам и мельком глянула в зеркальце. Не успела она собраться с мыслями, как машина остановилась и водитель распахнул дверцу, помогая ей выйти на тротуар в фешенебельном районе Манхэттена.

– Я подожду здесь, – сказал он. – Когда закончите, отвезу вас в аэропорт.

Нью-йоркская штаб-квартира Совета по международным отношениям занимала скромное здание в неоклассическом стиле на углу Парк-авеню и Шестьдесят восьмой улицы. Когда-то в нем жил нефтяной магнат из «Стандард ойл». Оно безупречно вписывалось в благородный окружающий ландшафт, ничем не выдавая своего нынешнего уникального статуса.

– Доктор Сински! – приветствовала ее администратор, представительная дама. – Сюда, пожалуйста. Он вас ждет.

Хорошо, но кто это – он? Следом за администратором она прошла по роскошному коридору к закрытой двери. Коротко постучав, дама распахнула ее и жестом пригласила Элизабет войти.

Элизабет переступила порог, и дверь за ее спиной тут же затворилась.

В маленькой комнате для совещаний царил полумрак – единственным источником света был включенный видеоскрин. На его фоне вырос силуэт высокого, худощавого человека – лица его она не видела, но от всей фигуры так и веяло властью.

– Доктор Сински, – прозвучал резкий голос незнакомца. – Спасибо, что приехали. – Едва уловимый акцент навел Элизабет на мысль, что перед ней уроженец Швейцарии, а может быть, Германии. – Прошу садиться, – предложил он, показывая на стул почти в центре комнаты.

А представиться? Элизабет села. Странное изображение на экране отнюдь не умирало ее тревоги. *Что это за чертовщина?*

– Я был на вашем выступлении сегодня утром, – заявил незнакомец. – Мне пришлось проделать большой путь, чтобы вас послушать. Не скрою, это было весьма впечатляюще.

– Спасибо, – ответила она.

– Да будет мне позволено добавить, что вы гораздо красивее, чем я предполагал... несмотря на ваш возраст и близорукий подход к глобальным проблемам здравоохранения.

Элизабет растерялась. Заявление незнакомца было хамским вдвойне или даже втройне.

– Прошу прощения, – сказала она, взглядываясь в темноту. – Кто вы такой? И зачем вы меня позвали?

– Извините за неудачную попытку пошутить, – сказала тень. – А почему вы здесь, вам объяснит вот эта картина.

Сински перевела глаза на экран. Перед ней было людское море, множество нагих страдальцев – они карабкались друг на друга, образуя гигантскую кучу переплетенных тел.

– Великий художник Доре, – провозгласил незнакомец. – Благодаря ему мы можем воочию наблюдать ужасы, которые описал спустившийся в ад Данте Алигьери. Ну как, нравится? Надеюсь, что да... потому что именно это и ждет всех нас. – Он сделал паузу, медленно приближаясь к ней. – И позвольте мне объяснить почему.

Он продолжал надвигаться на нее, как будто становясь выше с каждым шагом.

– Если я возьму этот листок и разорву надвое... – Он остановился у стола, взял лист бумаги и с громким треском разорвал его пополам. – А затем сложу половинки вместе... – Он произвел это действие. – А затем повторю то же самое... – Он вновь разорвал бумагу на две части и положил одну поверх другой. – У меня получится стопка бумаги в четыре раза толще листа, с которого я начал, верно? – Его глаза словно тлели в полумраке комнаты.

Элизабет не нравились его снисходительный тон и агрессивная манера. Она ничего не ответила.

– Говоря гипотетически, – продолжал он, придвигаясь еще ближе, – если толщина первоначального листа бумаги составляет всего одну десятую миллиметра и я повторю свою процедуру... ну, скажем, пятьдесят раз... знаете, какой толщины выйдет стопка?

Элизабет вспыхнула.

– Знаю, – сказала она с большей враждебностью, чем намеревалась. – Ее толщина будет равна одной десятой миллиметра, умноженной на два в пятидесятой степени. Это называется геометрическая прогрессия. Могу я спросить, зачем меня сюда притащили?

Незнакомец ухмыльнулся и одобрительно кивнул:

– Правильно. А могли бы вы прикинуть, что получится в результате? Если одну десятую миллиметра умножить на два в пятидесятой степени? Знаете ли вы, какой толстой окажется эта стопка? – Он запнулся буквально на миг. – После всего лишь пятидесяти удвоений наша стопка бумаги вырастет... почти до самого Солнца.

Для Элизабет в этом не было ничего удивительного. С невероятной мощью геометрической прогрессии она постоянно сталкивалась в своей работе. *Стремительное распространение заразы... репликация инфицированных клеток... предполагаемая смертность.*

– Извините за бестолковость, – сказала она, уже не пытаясь скрыть раздражение, – но я не понимаю, к чему вы клоните.

– К чему я клоню? – Он отпустил сухой смешок. – Да к тому, что количество людей на нашей планете растет еще быстрее. Как и с этой стопкой бумаги, все начиналось почти с нуля... но теперь процесс набрал пугающую скорость.

Он снова шагнул к ней.

– Судите сами. Земному населению понадобились тысячи лет – от появления наших отдаленных предков до самого начала девятнадцатого века, – чтобы достичь численности в один миллиард человек. Затем, всего через какую-нибудь сотню лет – поразительно, не правда ли? – население удвоилось и в 1920-х составляло уже два миллиарда. После этого ему потребовалось лишь пятьдесят лет, чтобы удвоиться снова, уже до *четырех* миллиардов. Как

вам известно, очень скоро мы доберемся и до восьми. Только сегодня на планете появилось четверть миллиона новых обитателей. Четверть *миллиона!* И так происходит каждый день – хоть в дождь, хоть в ведро. В настоящее время мы ежегодно увеличиваем свою численность на население целой Германии.

Высокая фигура незнакомца нависла над Элизабет.

– Сколько вам лет?

Очередной оскорбительный вопрос, хотя работа на посту директора ВОЗ приучила ее дипломатично реагировать на беспардонные выпады.

– Шестьдесят один.

– А знаете ли вы, что если вам удастся прожить еще девятнадцать лет, до восьмидесяти, то население Земли утроится в течение одной только вашей жизни? *Одна жизнь* – а людей *втрое* больше. Подумайте о последствиях. Как вы знаете, Всемирная организация здравоохранения снова изменила свои прогнозы в сторону увеличения, предсказав, что еще до середины текущего столетия на Земле будет около девяти миллиардов человек. Животные разных видов вымирают на глазах. Спрос на иссякающие природные ресурсы стремительно растет. Найти чистую воду становится все труднее и труднее. По любым биологическим меркам численность нашего вида превысила допустимый предел. И перед лицом этой катастрофы Всемирная организация здравоохранения – орган, стоящий на страже здоровья планеты, – занимается поисками лекарств от диабета, пополняет запасы консервированной крови, борется с раком... – Он поглядел на нее в упор. – Так вот, я пригласил вас сюда, чтобы спросить прямо: почему, черт побери, у Всемирной организации здравоохранения не хватает духу взяться за решение этой проблемы всерьез?

Элизабет взвилась.

– Кто бы вы ни были, вам должно быть прекрасно известно, что ВОЗ относится к проблеме перенаселения крайне серьезно! Недавно мы истратили миллионы долларов на поездки врачей в Африку, где они раздавали бесплатные презервативы и учили местных жителей контролировать рождаемость.

– Ну да, конечно! – насмешливо воскликнул ее собеседник. – А по пятам за вами туда отправилась еще более многочисленная армия католических миссионеров, которые объяснили африканцам, что если они будут пользоваться презервативами, то загремят прямиком в ад. Теперь у Африки новая беда – загрязнение окружающей среды неиспользованными презервативами!

Элизабет прикусила язык. Тут он был прав, хотя передовые католики уже выступали против вмешательства Ватикана в проблемы, связанные с зачатием. Самым ярким в этом отношении выглядел поступок Мелинды Гейтс: ревностная католичка, она не побоялась навлечь на себя гнев своей церкви и отважно пожертвовала на внедрение более эффективного контроля над рождаемостью 560 миллионов долларов. Элизабет Сински не раз говорила журналистам, что Билл и Мелинда Гейтс давно заслужили канонизацию – так много они сделали для всемирного здравоохранения через свой фонд. К несчастью, единственная организация, имеющая право объявлять людей святыми, почему-то не желала признавать, что эти двое ведут себя как истинные христиане.

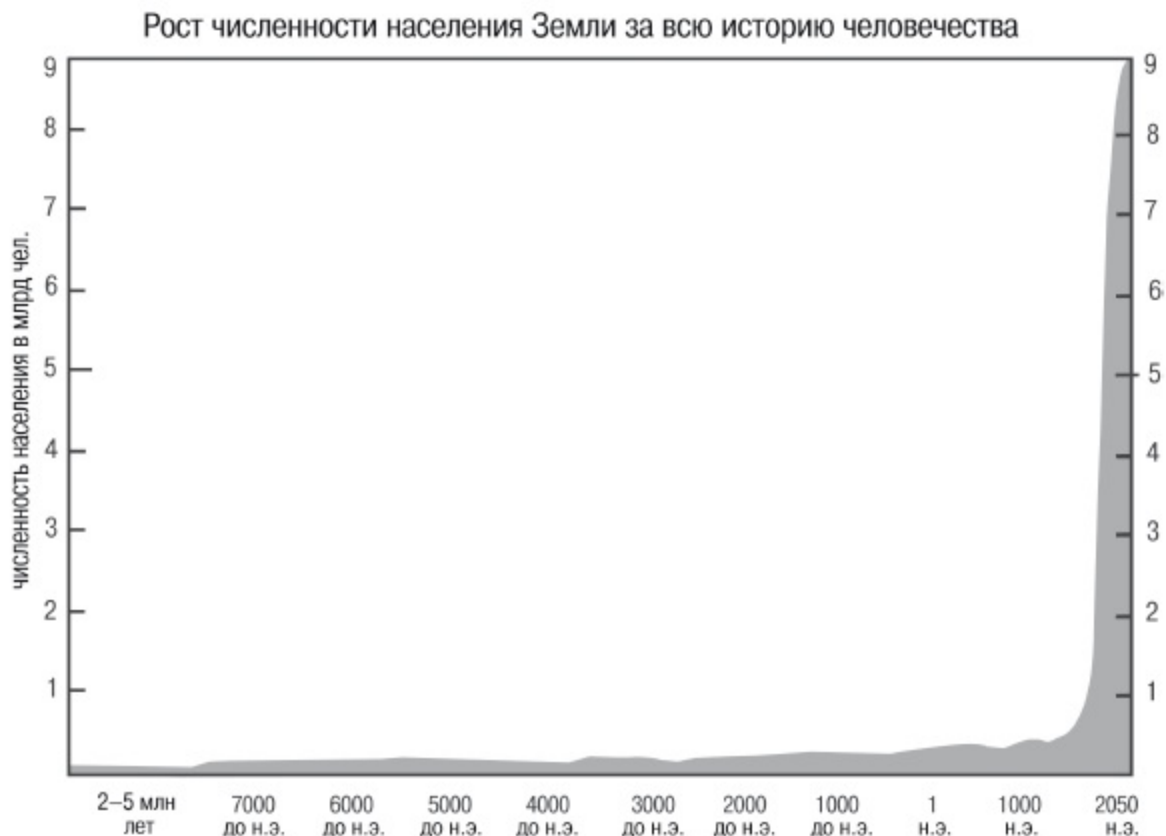
– Доктор Сински, – продолжала тень. – Всемирная организация здравоохранения упорно закрывает глаза на то, что перед нами стоит лишь одна глобальная проблема, связанная со здоровьем. – Незнакомец вновь указал на экран, где кишки сбившиеся в плотную массу человеческие тела. – Вот она. – Он выдержал паузу. – Поскольку вы ученый и

едва ли так уж искушены в классической литературе и изящных искусствах, я предложу вам другую картинку – думаю, ее язык будет вам более понятен.

Комната погрузилась во тьму, но через миг экран снова вспыхнул.

Это изображение Элизабет видела неоднократно... и оно всегда вызывало у нее гнетущее чувство безысходности.

В комнате повисла тяжелая тишина.

– Да, – сказал незнакомец, помолчав с минуту. – Безмолвный ужас – естественная реакция на этот график. Смотреть на него – все равно что видеть прожектор локомотива, который несется прямо на тебя. – Он медленно повернулся к Элизабет и улыбнулся ей жесткой снисходительной улыбкой. – Есть вопросы, доктор Сински?

– Только один, – бросила она. – Для чего вы меня сюда позвали – прочесть лекцию или оскорбить?

– Ни то ни другое. – В его голосе вдруг зазвучали льстивые нотки, отчего у нее пробежал мороз по коже. – Я пригласил вас сюда для совместной работы. Вы, несомненно, понимаете, что проблема перенаселенности тесно связана со здравоохранением. Но вот чего вы, боюсь, не понимаете: эта проблема влияет на душу человека. В стрессовых условиях перенаселенности те, кому никогда и в голову не приходило ничего украсть, станут воровать, чтобы прокормить свои семьи. Те, кому и в голову не приходило кого-то убить, станут убивать, чтобы защитить свое потомство. Все смертные грехи, описанные Данте – алчность, зависть, чревоугодие и так далее, – начнут концентрироваться и всплывать на поверхность, набирая силу по мере ухудшения качества нашей жизни. Нам предстоит вести битву, в которой будет стоять на кону сама человеческая душа.

– Я биолог. Я занимаюсь спасением жизней... а не душ.

– Что ж, уверяю вас, что с течением лет спасти жизни будет все труднее и труднее. Перенаселение порождает отнюдь не только духовную неудовлетворенность. По словам Макьявелли...

– Да, – перебила она, тут же вспомнив это знаменитое место. – «Когда все области переполняются жителями так, что им негде жить и некуда уйти... возникает необходимость очищения мира»^[20]. – Она подняла на него взгляд. – Всем, кто работает в ВОЗ, хорошо знакома эта цитата.

– Отлично. Тогда вы знаете, что дальше Макьявелли перечисляет способы очищения мира и в качестве одного из них называет чуму.

– Знаю, и говорила в своем выступлении, что мы прекрасно осознаём прямую связь между плотностью населения и опасностью широкомасштабных эпидемий, но постоянно разрабатываем новые методы раннего обнаружения и лечения болезней. ВОЗ не теряет уверенности в том, что мы научимся предотвращать пандемии.

– И очень жаль.

Элизабет удивленно воззрилась на него.

– Что-что?!

– Доктор Сински, – сказал худой незнакомец, отпустив странный смешок, – вы говорите так, будто сдерживать эпидемии – это хорошо.

Элизабет смотрела на него в немом изумлении.

– Итак, вот что мы имеем! – провозгласил он, словно адвокат, завершающий свою речь. – Передо мной стоит глава Всемирной организации здравоохранения – лучший специалист из ее рядов. Подумать только! Я показал вам эту картину грядущих страданий. – Он переключил проектор, снова вернув на экран гору тел. – Я напомнил вам, какую колоссальную угрозу представляет собой неконтролируемый рост населения. – Он кивнул на маленькую стопку бумаги. – Я объяснил вам, что мы стоим на пороге духовной деградации. – Он сделал паузу и повернулся к ней. – И каков же ваш ответ? Бесплатные презервативы в Африке! – Он язвительно усмехнулся. – Да это все равно что отмахиваться мухобойкой от гигантского метеорита! Эта бомба не тикает – она уже взорвалась, и если не принять самые решительные меры, экспоненциальная кривая станет вашим новым богом... а это очень мстительный бог! Он устроит вам дантовский ад прямо здесь, на Парк-авеню... люди будут задыхаться от тесноты, валяясь в собственных испражнениях. Сама природа начнет безжалостно прорезать ряды человечества.

– Да неужто? – огрызнулась Элизабет. – Тогда скажите мне, сколько людей должно остаться на Земле в *вашей* версии будущего? Какова эта идеальная цифра, при которой человечество сможет обеспечивать себя всем необходимым до бесконечности... и жить в относительном комфорте?

Ее собеседник улыбнулся – ему явно понравился этот вопрос.

– Любой эколог или статистик скажет вам, что больше всего шансов на долгосрочное выживание человечество будет иметь при общей численности населения около четырех миллиардов.

– Четырех? – возмущенно выпалила Элизабет. – У нас их уже семь, так что вы слегка опоздали!

Зеленые глаза высокого незнакомца сверкнули.

– Разве?

Роберт Лэнгдон грузно плюхнулся со стены садов Боболи на пружинистую почву в их лесистой южной части. Сиена приземлилась рядом и тут же встала, отряхиваясь и озираясь.

Они стояли на заросшей мохом и папоротником опушке небольшой рощи. Отсюда палаццо Питти был совсем не виден, и Лэнгдон подозревал, что они попали в самую удаленную от него точку Садов. Зато в этот ранний час сюда еще не успели добраться ни служители парка, ни туристы.

Лэнгдон заметил неподалеку мощеную дорожку – изящно изгибаясь, она бежала под гору и ныряла в лес. Там, где она исчезала среди деревьев, высилась мраморная статуя – место для нее было выбрано идеально. Лэнгдона это не удивило. Планировкой садов Боболи занимались выдающиеся мастера Никколо Триболо, Джорджо Вазари и Бернардо Буонталенти, и их художественный вкус превратил это полотно площадью четыре с половиной гектара в настоящий живописный шедевр.

– Дворец в той стороне, на северо-востоке, – сказал Лэнгдон, кивая на дорожку. – У ворот можно будет смешаться с толпой туристов и незаметно выйти. По-моему, парк открывают в девять.

Он хотел взглянуть, сколько сейчас времени, но там, где раньше были часы с Микки-Маусом, теперь белело голое запястье. У него мелькнула мысль, что они могли остаться в больнице вместе с другой одеждой. Если так, он их потом заберет.

Сиена вызывающе расправила плечи.

– Прежде чем сделать еще хоть шаг, Роберт, я хочу знать, куда мы направляемся. Что вы там такое угадали насчет Злых Щелей? Вы сказали, они расположены не в том порядке?

Лэнгдон показал на лес.

– Давайте сначала спрячемся, ладно?

Он двинулся вниз первым, Сиена – за ним. Вскоре дорожка вывела их на закрытую со всех сторон лужайку – «комнату» на языке ландшафтной архитектуры – со скамейками и маленьким фонтанчиком. Здесь, под деревьями, было гораздо прохладнее.

Лэнгдон вынул из кармана проектор и принялся его трясти.

– Тот, кто создал это цифровое изображение, не только нарисовал на грешниках буквы, но еще и изменил порядок казней. – Он вспрыгнул на скамейку и направил проектор себе под ноги. На гладком сиденье рядом с Сиеной слабо забрезжила Боттичеллиева «La Marra dell'Inferno». Лэнгдон указал на многоярусную область в нижней части воронки. – Видите буквы в Злых Щелях?

Сиена отыскала их на картине и прочла сверху вниз:

– Catrovaser.

– Верно. Никакого смысла, да?

– Но вы поняли, что рвы просто перетасовали?

– Даже проще. Если сравнить эти уровни с маленькой колодой из десяти карт, можно сказать, что ее не тасовали, а просто сняли один раз. Порядок после этого сохранился, только начинается колода уже не с той карты. – Лэнгдон снова показал на Злые Щели. – У Данте верхний уровень занят соблазнительями, которых бесы погоняют кнутами. Но в этой версии соблазнитель оказались намного глубже, а именно... в восьмом рву.

Сиена взглядела в тускнеющее изображение и кивнула:

– Ага, вижу. Первый ров стал восьмым.

Лэнгдон убрал проектор в карман и спрыгнул обратно на дорожку. Потом взял прутик и нацарапал на голой земле рядом с ней десять букв.

– Вот в каком порядке они нарисованы в нашей модифицированной версии ада.

C
A
T
R
O
V
A
C
E
R

– Catrovacer, – прочла Сиена.

– Да. А вот где колоду разделили.

Лэнгдон провел черту под седьмой буквой и подождал, давая Сиене время разобраться в его картинке.

C
A
T
R
O
V
A
–
C
E
R

– Так, – быстро сказала она. – Catrova. Cer.

– Да, а чтобы вернуть картам прежний порядок, мы просто снимаем колоду еще раз и кладем нижнюю часть сверху.

Сиена пристально разглядывала буквы.

– Cer. Catrova. – Она пожала плечами. Лицо ее по-прежнему выражало недоумение. – Все равно бессмыслица...

– Cer catrova, – повторил Лэнгдон. Затем снова произнес оба непонятных слова, слив их в одно. – Cercatrova. – И наконец прочел то, что получилось, с паузой посередине: – Cerca... trova.

Сиена ахнула, и ее взгляд метнулся вверх, встретившись со взглядом Лэнгдона.

– Да, – с улыбкой подтвердил Лэнгдон. – Cerca trova.

Буквально итальянские слова cerca и trova означают «ищи» и «найди». В сочетании же

они превращаются в библейское «ищите, и найдете».

– Ваши галлюцинации! – захлебываясь от волнения, воскликнула Сиена. – Незнакомка с вуалью! Она все твердила вам «ищите, и найдете»! – Она вскочила на ноги. – Да вы понимаете, что это значит, Роберт? Это значит, что слова *serca* и *trova* уже хранились в вашем подсознании! Выходит, вы расшифровали эту фразу еще *до того*, как попали в больницу! Получается, что вы и раньше видели изображение из проектора... только забыли про это!

А ведь она права, сообразил Лэнгдон. Поглощенный размышлениями о самом шифре, он и не подумал о том, что видит его, возможно, не в первый раз.

– Роберт! На бульваре Макьявелли вы заявили мне, что «La Marra» указывает на конкретное место в Старом городе. Но я до сих пор не пойму на какое.

– Слова «*serca trova*» ничего вам не напоминают?

Она пожала плечами.

Лэнгдон с трудом сдержал улыбку. *Оказывается, даже Сиена знает не все на свете.*

– Дело в том, что эта фраза прямо указывает на знаменитую фреску, которая находится в палаццо Веккьо, – а именно на «Битву при Марчано» Джорджо Вазари в Зале Пятисот. На самом верху картины художник крошечными, едва различимыми буквами вывел слова «*serca trova*». Для объяснения этого было выдвинуто множество гипотез, но ни одного убедительного доказательства, которое подтверждало бы хоть одну из них, до сих пор не найдено.

Внезапно до них донеслось тонкое жужжание: похоже, в небе прямо над их головами откуда ни возьмись появился маленький летательный аппарат. Судя по звуку, он был совсем близко, и Лэнгдон с Сиеной замерли, скрытые от него листвяным пологом.

Когда звук начал стихать, Лэнгдон осторожно выглянул из-под дерева.

– Игрушечный вертолет, – с облегчением сказал он, провожая глазами радиоуправляемый вертолетик длиной всего около метра. Он смахивал на гигантского злобного комара.

Однако Сиену это не успокоило.

– Не высовывайтесь, – велела она. И была права: вертолетик развернулся в отдалении и стал возвращаться. На этот раз он пролетел мимо так же низко, над самыми верхушками деревьев, но уже чуть левее, вдоль соседней прогалины.

– Никакой он не игрушечный, – прошептала Сиена. – Это вертолет-разведчик. Наверняка с видеокамерой на борту и транслирует все в реальном времени... тому, кто его отправил.

Невольно стиснув зубы, Лэнгдон смотрел, как разведчик удаляется туда, откуда они пришли, – к Порту Романа и Институту искусств.

– Не знаю, что вы натворили, – продолжала Сиена, – но каким-то очень влиятельным людям здорово не терпится вас найти.

Вертолетик опять развернулся и стал медленно барражировать над стеной парка, через которую они только что перелезли.

– Может быть, кто-то около Института искусств заметил нас и сообщил полиции, – сказала Сиена. – Надо уходить отсюда. Немедленно.

Под удаляющийся вой беспилотника, взявшего курс на дальний конец парка, Лэнгдон торопливо затер ногой буквы на обочине и поспешил вслед за Сиеной. В голове у него теснились мысли о «*serca trova*», фреске Джорджо Вазари и догадке Сиены насчет того, что он скорее всего еще накануне расшифровал указание, спрятанное в проекторе. *Ищите, и*

найдете.

Они выбрались на соседнюю поляну, и тут Лэнгдона вдруг озарило. Он встал на лесной дорожке как вкопанный, и на лице у него расцвела улыбка.

Сиена тоже остановилась.

– Роберт! Что такое?!

– Я невиновен! – провозгласил он.

– О чем это вы?

– За мной гонятся... и я боялся, что совершил что-то ужасное.

– Ну да, и в больнице вы все твердили про какое-то зарево.

– Знаю. Но я-то думал, что говорю о пожаре.

Сиена удивленно посмотрела на него.

– А на самом деле?

В голубых глазах Лэнгдона светилось возбуждение.

– Сиена, когда я повторял «зарево, зарево», это не имело никакого отношения к огню. Я говорил о тайном послании на фреске в палаццо Веккьо! – У него в ушах и сейчас звучала та магнитофонная запись с его горячечным бормотанием. *Зарево... зарево... зарево.*

Вид у Сиены был растерянный.

– Неужто не понимаете? – Лэнгдон ухмыльнулся во весь рот. – Я говорил не «зарево, зарево». Я повторял фамилию художника – *Вазари, Вазари!*

Вайента резко выжала тормоз. Мотоцикл вильнул и, с визгом прочертив на асфальте длинный след, остановился в хвосте вереницы машин.

Бульвар Поджо-Империале был закупорен намертво.

Некогда мне тут торчать!

Вайента вытянула шею, пытаясь разглядеть, что вызвало пробку. Ей пришлось сделать большой крюк, чтобы избежать встречи с группой ПНР и суতোлки у дома, где скрывался Лэнгдон, а теперь она должна была как можно быстрее попасть в Старый город и выписаться из гостиницы, которая служила ей приютом в последние дни.

Меня отстранили – значит, надо поскорей убраться из города!

Однако черная полоса, видимо, еще не кончилась: путь в Старый город был закрыт. Сдерживая нетерпение, Вайента снова завела мотор и покатила по обочине впритирку к машинам. Скоро впереди показалась забитая транспортом развязка, место слияния шести крупных автотрасс. У ворот Porta Romana, ведущих в Старый город, всегда было оживленное движение, но сегодня...

Что там стряслось, черт поберет?!

Теперь Вайента увидела, что вся площадь кишит полицией – похоже, там устроили что-то вроде облавы. Несколько секунд спустя она заметила в центре столпотворения то, что никак не предполагала здесь увидеть, – знакомый черный фургон, окруженный агентами в черной форме, которые отдавали приказы местным служителям закона.

Без сомнения, это были люди из ПНР, и все же Вайента не понимала, что они тут делают.

Разве только...

Вайента судорожно сглотнула – такое трудно было даже допустить. *Неужели Лэнгдон сбежал и от Брюдера?* Это казалось невыносимым; шансы улизнуть от ПНР фактически равнялись нулю. Правда, Лэнгдон действовал не в одиночку, и Вайента на собственном опыте убедилась в находчивости его светловолосой спутницы.

Неподалеку появился полицейский – он переходил от машины к машине, показывая фотографию немолодого мужчины с густыми русыми волосами. Вайента мгновенно признала в этом обаятельном шатене Роберта Лэнгдона, и в груди у нее радостно ёкнуло.

Брюдер его упустил... Лэнгдон по-прежнему в игре!

Опытный стратег, Вайента тут же принялась соображать, как это может повлиять на ее планы.

Вариант номер один: спастись бегством, как и было намечено.

Вайента провалила важнейшее задание шефа, и в результате ее отстранили от дел. Если ей повезет, начальство проведет официальное расследование и на этом ее карьера закончится. А если *не* повезет – если она недооценила серьезность своих нанимателей, – тогда ей, возможно, придется весь остаток жизни оглядываться через плечо в страхе, что на нее вот-вот обрушится гнев Консорциума...

Но теперь возник вариант номер два.

Завершить задание.

Конечно, это было прямым нарушением правил, однако, раз Лэнгдона еще не поймали, у Вайенты оставалась возможность выполнить свою первоначальную задачу.

Допустим, Брюдер не сумеет поймать Лэнгдона, подумала она, и сердце ее забилось быстрее. А я – сумею...

Вайента понимала, насколько это маловероятно, однако если Лэнгдону удастся улизнуть от Брюдера, а она изловчится и закончит свою работу, это будет значить, что она единолично спасла Консорциум от грандиозного провала. Тогда шефу не останется ничего другого, кроме как проявить снисходительность.

Я сохраню место, подумала она. А может, меня даже повысят.

В один миг Вайента осознала, что на карту поставлено все ее будущее. *Я должна отыскать Лэнгдона раньше Брюдера.*

Конечно, это будет непросто. Брюдер располагает не только неограниченными живыми ресурсами, но и самыми передовыми техническими средствами наблюдения. Вайента работает одна. Зато ей известно то, чего не знают ни Брюдер, ни шеф, ни полиция.

Я очень хорошо представляю себе, куда Лэнгдон мог отправиться.

Поддав газу, она круто развернула «БМВ» и помчалась туда, откуда приехала. *Понте-алле-Грацие*, подумала она о мосте, расположенном севернее. В Старый город ведет не одна дорога.

Никакого пожара, повторял про себя Лэнгдон. *Просто имя художника.*

– Вазари, – с запинкой выговорила Сиена, отступив по дорожке обратно на целый шаг. – Художник, который спрятал на своей картине слова «*cerca trova*».

Лэнгдон опять невольно расплылся в улыбке. *Вазари. Вазари.* Эта догадка не только проливала свет на странную ситуацию, в которой он очутился, но и избавляла его от мучительных переживаний по поводу того, что он мог стать виновником страшного пожара... и потому безостановочно твердил о каком-то зареве.

– Совершенно ясно, Роберт, что картину Боттичелли из проектора вы видели еще до того, как вас ранили. Вы знали, что в ней спрятан шифр, указывающий на фреску Вазари. Поэтому вы и повторяли его имя!

Лэнгдон попытался сообразить, что все это значит. На Джорджо Вазари – художника, архитектора и писателя шестнадцатого века – он сам часто ссылался как на «первого в мире искусствоведа». Хотя Вазари написал сотни картин и спроектировал десятки зданий, его главным наследием была эпохальная книга «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» – сборник биографий итальянских художников, который и по сей день остается необходимым пособием для всех, кто изучает историю искусства.

Слова «*cerca trova*» вновь сделали имя Вазари известным широкой публике примерно тридцать лет назад, когда на его огромной фреске в палаццо Веккьо, в Зале Пятисот, обнаружили это «тайное послание». Выведенное крошечными буквами на зеленом боевом знамени, оно было еле различимо в хаосе батальной сцены. Ученые еще не сошлись во мнениях относительно того, зачем Вазари написал на фреске эту странную фразу, но большинство видели в ней подсказку, обращенную к будущим поколениям, – так Вазари якобы намекал на то, что в трехсантиметровом зазоре за стеной кроется утерянная фреска Леонардо да Винчи.

Сиена тревожно поглядывала вверх, на прорехи в листве.

– Мне еще вот что непонятно. Если вы ничего не натворили... то почему вас пытаются убить?

Лэнгдон задавал себе тот же вопрос.

Тонкий визг вертолета-разведчика опять нарастал, и Лэнгдон понял, что ему пора принимать решение. Он еще не знал, как «Битва при Марчано» Вазари связана с «Адом» Данте и почему прошлым вечером в него стреляли, однако впереди уже забрезжила едва различимая тропка.

[Купить полную версию книги](#)

Традиционное флорентийское блюдо из говяжьего сычуга с овощами и специями. –
Здесь и далее примеч. пер.

Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, цитаты из «Божественной комедии» Данте Алигьери даны в переводе М. Лозинского.

Слова из сонета Микеланджело, посвященного Данте.

Закрѳто! (ит.)

Энрико, не умирай! Прошу тебя! (ит.)

Маски (ит.).

Здравствуйте, это я! Оставьте сообщение, и я вам перезвоню (*ит.*).

Справочная? (ит.)

Не могли бы вы дать мне номер телефона Американского консульства? (*ит.*)

Большое спасибо *(ит.)*.

Американское консульство. Дежурный слушает (*ит.*).

Вы говорите по-английски? (*ит.*)

Ад Данте (ит.).

Дамы и господа (*нем.*).

Добро пожаловать *(нем.)*.

Добро пожаловать (*фр.*).

Добро пожаловать (англ.).

Перевод Д. Мина.

Простите! (ит.)

«Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», пер. М. Юсима.